Н.И. ШАДСКИЙ

НЕ БЫТЬ РОССИИ НА КОЛЕНЯХ

Москва, 1999г.

Редакторы: А.А. Иванов
А.В. Сигачев

Литературно-художественное издание

Николай Иванович Шадский

Избранные сочинения

В данной книге собраны поэмы, стихи, очерки, опубликованные автором в периодической печати в разные годы в ряде редакций. В них рассказывается о мужестве и стойкости советских людей, ярко проявившихся в годы Великой Отечественной войны и в мирные дни при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства.

Книга подготовлена к печати и выпущена в свет благодаря благотворительной помощи Каширского военного комиссариата и ОАО «Ступинский металлургический комбинат».

Для массового читателя

Издательство
РИА «ДИМИЧ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 6
Поэмы, стихи 9
Подвиг 10
Во имя жизни 13
Комбинат 18
Я помню... 22
Танк 23
Солдаты на привале 24
Последнее письмо (баллада) 26
Верность долгу 27
Солдат вернулся домой 28
Кашира - город легендарный 29
Курган 30
Очерки 33
В ту суровую осень 34
Живая память 37
Горжусь дедом! 40
Судьба вела и берегла 42
Женское сердце 45
Тропа разведчика 48
Горел, горел, да не сгорел... 55
От Каширы до Берлина 58
Разговор с Гебельсом 62
За Родину на штурмовике 65
Опаленный огнем 71
Пламень сердца воплощался в моторы 75
Надежное управление войсками - залог Победы 80
Испытал до дна войну 87
Под залпы «Катюш» 92
На Параде Победы 96
В лабиринтах кабельных узлов 98
Живущий для людей 101
Околдованный лесами 106

Коротко об авторе

Шадский Николай Иванович - журналист с тридцатишестилетним стажем. Окончил Московский лесотехнический институт и Высшие партийные курсы с уклоном журналистики. Член Союза журналистов Российской Федерации. Работал в районных газетах Каширского, Иваньковского районов и в многотиражной газете Ступинского металлургического комбината на разных должностях. Сотрудничал с Московской областной газетой "Ленинское знамя" ныне " Народная газета", с Тульской областной газетой "Коммунар", с редакциями центральных газет "Лесная промышленность", "Труд", "Советская Россия".

На переднем крае

Страшной бедой для нашей Родины обернулось нашествие фашистских полчищ. И первыми по организации отражения вражеской агрессии оказались военкоматы. Навсегда запомнились бывшим их работникам напряженные дежурства в начале войны. Тысячи людей по зову сердца пришли тогда к военкоматам, чтобы с оружием в руках встать на защиту Родины. Были среди них и юные и пожилые, здоровые и больные. Надо было с каждым поговорить, определить годность его к военной службе. А на тех, кого призывали в Армию, оформить документы, направить в части. В таких хлопотах суток не хватало.
О той напряженной поре до сих пор с волнением вспоминают ветераны, бывшие работники Каширского военкомата. Не было спокойных дней и на протяжении всей войны. Наш военкомат не только мобилизовывал людей на фронты, но и вел активную борьбу с диверсантами, шпионами, дезертирами. Большую организационную работу и стойкость проявили офицеры военкомата и в дни наибольшей опасности для Каширы и Москвы. Среди них офицеры: старший политрук САБУРСКИЙ; полковой комиссар ПЕТРОВ; майор БАШЕВ; майор ГЕРАСИМОВ. Когда танки Гудериана подошли к границам нашего города, вместе с ополченцами в окопах встали и бывшие работники военкомата. Они принимали участие в боях под деревнями Зендиково и Пятница. Многие потом ушли на фронт, с частями кавалерийского генерала БЕЛОВА.

Отлично воевали на фронтах Великой Отечественной войны будущие военкомы: подполковник ШИНШИЛОВ; полковник БАБЕНКО.

Не спадает напряженность в военкомате и в мирные дни, особенно в последние годы, когда так называемые «демократы» постарались опорочить все святое, завоеванное нашей Армией в Советское время. Некоторые из них договариваются до того, что не следовало бы сопротивляться гитлеровцам, при фашизме жизнь была бы лучше. Такие разговоры демобилизуют молодежь. В отдельных частях армии расцвела «дедовщина». Криминогенная обстановка в обществе несомненно сказалась и на стабильности в Армии. Молодые люди начали всячески уклоняться от прохождения воинской службы. Дело доходит до того, что некоторые из них, чтобы не быть призванным в Армию, занимаются членовредительством, несмотря на то, что это уголовно-наказуемое деяние.

В таких условиях роль военкомата в возрождении бывшего авторитета и боевого духа Армии неизмеримо возросла. Наши офицеры

подполковник В.В. Корниенко, прапорщик И.В. Деревнин, майор В.Ю. Кишанин, сл. А.В. Миняева, Н.Б. Нечаева и другие делают все возможное, чтобы у наших парней исчезло предубеждение к несению воинских обязанностей. Вместе с воинской частью, расположенной в нашем городе, мы проводим дни встречи призывников с теми, кто проходит службу. Ребята знакомятся с оружием, бытом солдат. Среди допризывников постоянно проводится воспитательная работа, целенаправленная на служение народу, на защиту священных рубежей Родины. Восстанавливается изучение предмета военного дела в школах, организуются кружки игр в детских учреждениях.

Уважаемый читатель! В данной книге собраны очерки о каширянах и других участниках Великой Отечественной войны, проявивших стойкость и героизм в борьбе с фашистскими захватчиками. Конечно, рассказано далеко не все о каширянах. Да мы и не ставили себе такую цель. Среди каширян были пехотинцы, танкисты, артиллеристы моряки, связисты, кавалеристы и другие рода войск. Пусть их высокий боевой дух осеняет Вас, дорогие призывники, на почетном ратном пути – служении Отечеству. А выше такого долга нет ничего на свете.

Анатолий Павлович Банников -
полковник, Военный комиссар
города Кашира Московской области.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною
С немецкою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

* * *

/ Из песни: "Священная война"
Слова В. Лебедя-Кумача
Музыка А. Александрова /

Поэмы, стихи

Памяти Ивана Петровича Иванова,
жителя деревни Лишняги Серебряно-
Прудского района Московской области,
повторившего подвиг Ивана Сусанина.

Подвиг

Метет метель, сугробы вороша,
Не видно за околицей ни зги.
Как будто урагана устрашась,
В оврагах притаились Лишняги.
Не слышно стало пенья петухов.
Куда же подевались вы, горнисты?
В такое утро ворвались в село
От нашей армии бегущие фашисты.
Так злись же вьюга, скорбью заливай!
Враги толпою бродят по деревне.
Пошла потеха под собачий лай -
От кур лишь перья полетели.
Визг поросят, мычание коров
Из края в край села несутся.
А над слезами ребятишек, вдов
Грабители, злорадствуя, смеются.
Но долго оставаться им нельзя:
Гул канонады слышался с востока.
И немцы, еще пуще разозлясь,
Хотят найти проводника - холопа.
Глаза сощурив, словно бы в прицел,
И обратясь к пришедшим свысока,
Потребовал немецкий офицер
Тот час подать ему проводника.
Сжимая в сердце рвущий болью стон
За надругательство над милым краем,
Стоял Иван Петрович Иванов,
Презрительно следя за черной стаей.
Давно он с ними был уже знаком,
Пришлось еще в четырнадцатом драться.
Не думал под армейским каблуком
Когда-нибудь Петрович оказаться.
Он наблюдал, ни слова не сказав,

Кипела злоба в сердце его рьяно.
Вот тут-то на него вдруг указал
Один прохвост - односельчанин пьяный.
- Он проведет! Ему знакомо все!
Пути-дороги здешние известны...
От этих слов дыхание свело
И защемило сердце неуместно.
- Я не пойду! Не знаю ничего!
Пусть он ведет. Он тоже здесь родился.
Молчать! Поговори со мной еще! -
И офицер фашистский взбеленился.
Снега-снега. На много верст вокруг
Широким распростерлись покрывалом.
А парабеллум вороненый вдруг
Блеснул зловеще пред лицом Ивана.
-Ах, гады! Запугать хотите?! -
Вмиг озарилась молнией душа.
-Вас проводить? Ну, что ж, идите, -
И зашагал от дома не спеша.
Метет метель и забивает след.
С надрывом плачет ошалелый ветер.
Скажи, куда ведешь врагов ты, дед?
Как перед Родиной потом ответишь?
С упорством поднимая рыхлый снег,
Буксуя, продвигаются машины.
-Завесть бы их в овраг глубокий всех, -
Засела мысль в мозгу Ивана клином.
Вперед! Еще вперед. А там Свиной
Овраг непроходимый и глубокий.
Забит он снегом до краев зимой
И не приметным кажется с дороги.
Пурга слепит. По-русски жмет мороз.
Не по нутру врагам моя Отчизна.
И патриоту хочется до слез
Здесь похороненную им справить тризну.
Не чувствуя подвоха, офицер
Сидел, по-барски развалясь в кабине.
Но вот один из транспортеров сел.
За ним зарылись многие другие.
От радости, Петрович аж вспотел,

Смотря на суетню врагов с усмешкой.
Он в суматохе убежать хотел,
Да из-за старости своей промешкал.
Его поймали. Били на убой.
Глаза не слезы - кровь запеленала.
Одна земля была ему родной.
Она его, как сына, обнимала.
Избитого его подняли вновь.
Фашисты крепко за руки держали.
Текла по телу, обжигая, кровь
И ноги от усталости дрожали.
-Завел, собака! - зло кричал фашист.
Перед лицом махая пистолетом.
Но тверд у Иванова взгляд и чист,
Хотя и знал, что смерть придет за это.
Кричали дико перед ним враги,
Иные плакали, от страха коченея.
Но на машинах выйти не смогли
И от этого все становились злее.
Прикрылась шубой облачной луна
И ночь глухая вскоре наступила.
Мороз крепчал, все прибавляя зла.
А вьюга еще больше закрутила.
Крепчай мороз! И сердце обжигай!
Гуляй пурга по бесконечной шире!
Не удалось фашистам убежать,
И замерли фашистские машины...
-Прощай, Россия - мать моя, прощай!
Я сделал все, что было в моих силах.
Простой крестьянин так в ту ночь сказал...
И Родина героя не забыла.

Посвящается Герою Советского Союза,
каширянину Сергею Евстафьевичу Седукевичу.

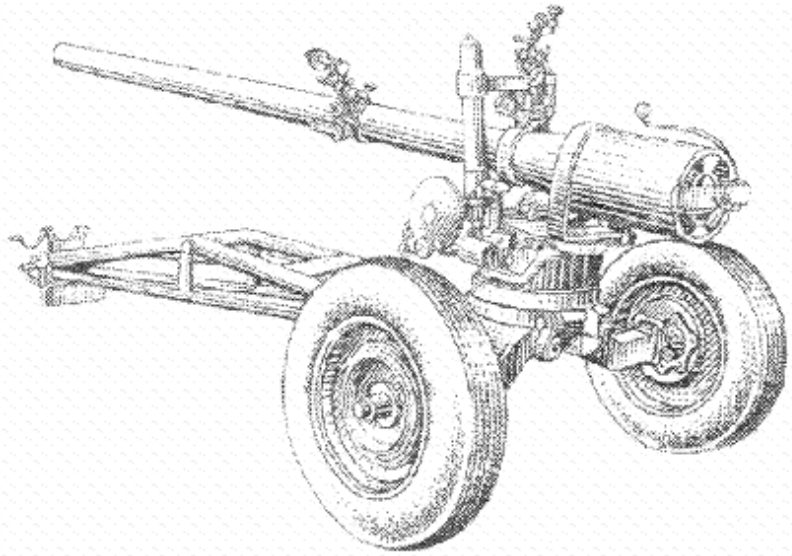
Во имя жизни

Давно окопы заросли травою,
На пепелищах встали города,
Но пережитые войною,
Запомнились те годы навсегда.
Калмыкия. Бескрайнее раздолье
Змеей клубится за колонной снег.
И отдается в сердце горькой болью
Досада отступления у всех.
Отчизна-мать зовет, зовет к отмщенью
За оскорбленную врагами честь.
И стал тот край одной сплошной мишенью
Свинцовая завыла коловерть.
Запомнил Седукевич, как ломали
Хребет врагу гвардейские войска.
Как выдержали все и устояли,
Прославив Родину на долгие века.
Нет! Не забыть Сергею те тревоги,

Оборвалась с командованием связь.
Нет! Отступать мы не имеем право.
К орудиям! Команда раздалась.
А танки ближе. Вот они в прицеле.
Сверкает наползающая бронь.
Взмахнув рукой, комбат кричит: - По цели,
Прямой наводкой по врагу - огонь!
Огонь! Огонь! И танки запылали.
Растерянно попятились назад
Видать враги никак не ожидали,
Что кто-то в их ряды внесет разлад.
Огонь! Грохочет батарея.
Приободрились у реки бойцы.
Галай узнал орудия Сергея
И крикнул в грохот боя: "Молодцы!".
На батарейцев бросились фашисты,
Стараясь раздавить скорее цель.
Между одним расчетом и танкистом
Смертельная вдруг вспыхнула дуэль...
Танк был подбит. Но люди из расчета
Погибли тоже в перестрелке той.
И только Леженцев - сержант расчета,
Был весь изранен, но еще живой.
Сквозь пелену кровавую он видел,
Что новый танк к орудию ползет.
Загнал еще снаряд сержант с усилием
И по врагу прямой наводкой бьет.
Но тело вместе с выстрелом упало,
Навек закрылись у бойца глаза.
А на плацдарме долго бушевала
Свинцовая смертельная гроза.
Семнадцать танков в пламени пылали,
Валялись трупы вражеских солдат.
А батарея снова грохотала,
Как будто мстя за боль своих утрат.
Еще войска сражались под Берлином,
Еще от взрывов воздух весь дрожал,
А Седукевич, как герой былинный,
Израненный, без памяти лежал.
Не раз в бреду он при смерти метался

И все кричал: "Огонь! Огонь! За мной!"
В сознании подняться порывался,
Чтоб снова быть в бою на огневой.
Он выстоял. Опять вернулся к жизни,
Лишь шрамы на седом виске видны.
Да самый высший орден от Отчизны
Сверкает ныне на его груди.
Война прошла. Тревоги пережиты.
Не сжечь Россию ни в каком огне!
Но прошлое мы помним. Не забыто
Оно во имя жизни на земле.

На снимке С.Е Седукевич



Посвящается коллективу Ступинского металлургического комбината, пережившего Великую Отечественную войну, внесшего достойный вклад в разгром фашистов!

Комбинат

Среди чащобы и болот
Деревня Ступино таилась.
Такой и быть бы ей. Но вот
Сюда комиссия явилась.
Гостям дивились мужики:
Что ищут в здешней глухомани?
А те в ответ: Здесь у Оки
Построим город вместе с вами.
Вот чудаки! Да к нам медведь
К подворью запросто приходит
И начинает так реветь,
Что ужас на сердце наводит.
Но не сдаются москвичи.
Упорно что-то все считают.
И как живые чертежи
У них цехами обрастают.
Потом склонились у стола,
Ра́скинув, словно скатерть, план.
Ну что ж! Картина-то ясна -
Берись за дело, Визирян[1]!
Тот от таких весомых слов
Лишь засмеялся так искристо:
Ну что ж! Раз надо! Я готов.
На то ведь мы и коммунисты!
И содрогнулся старый бор,
Увидев скопище народу.
Пошли гулять пила, топор,
Давая стройке той свободу.
Бурлила жизнь. То тут, то там
Шли трудовые вахты рьяно.
По праздникам и вечерам
Бузили землекопы спьяну.
Ругались женщины порой,

Теснясь с ребятами в бараках.
Но город рос. И шел горой
В своих предпраздничных плакатах.
В кузнечном цехе - основном
Установили первый молот.
Он возвестил ударом в том,
Что народился новый город.
Шли годы. Комбинат мужал,
Все шире расправляя плечи.
Для многих он судьбою стал,
Околдовавши с первой встречи.
Он каждому здесь дал простор -
И кузнецам и инженерам.
Царили творчество, задор
По самым требовательным мерам,
И пот соленый выступал,
Когда за честь соревновались.
Никто о славе не мечтал -
Для пользы Родины старались.
Но слава их не обошла.
Их имена стране известны.
И каждого она нашла,
Вознаградив за труд тот честный.
Креп комбинат. И город рос,
Когда к рулю пришел Назаров[2].
Он новизну с собой принес
И совершенствовал нравы.
Теперь за опытом сюда
Из-за границы приезжали...
Досадно было, что тогда
Фашисты на страну напали.
Враг был коварен и суров,
Его удар на Центр направлен.
В Камень-Уральск без лишних слов
Был комбинат тогда отправлен.
Суровы лица у людей.
Да и кому такое мило?
Что создавалось столько дней
Разрушить надо срочно было.
К фашистам яростное зло

Кипело гневными волнами.
Твердили люди: "Все равно
Победа будет лишь за нами!"
Она пришла. Но до нее
Вернули комбинат с Востока.
Восстановили быстро все,
Пустив изделья на потоке.
Война окончена. Опять
Жизнь на заводе всколыхнулась.
А сколько молодых ребят
С полей кровавых не вернулось?!
Но время лечит. И от ран
Ожил наш комбинат могучий.
Здесь новый импульс в темпе дан,
Чтоб производство стало лучше.
Оно и впрямь шагнуло ввысь,
Достигнув рубежей отменных.
И звезды яркие зажглись
Среди работников степенных.
Мы помним славные дела
И тех, кто воплощал их в жизни.
Навеки эти имена
Вошли в историю Отчизны.
Завод стоит. Завод живет,
Хотя от перестроек кружит.
Никто с пути здесь не свернет
Пока завод такой нам нужен.
Да, тяжело. Но Ступино
И нынче грани раздвигает,
А бор сосновый все равно
С тяжелым вздохом отступает.
Многоэтажки и Проспект
Всех поражают дивной новью.
Горды мы городом - одним
Из самых лучших в Подмосковье.
И каждый знает здесь о том,
Что все огромные затраты,
Как не крути, но в основном
Пришлись на долю комбината.
Он вынес все. Да и теперь

Он, снова расправляя плечи,
Кует, штампует, льет металл.
И жаром дышат его печи.

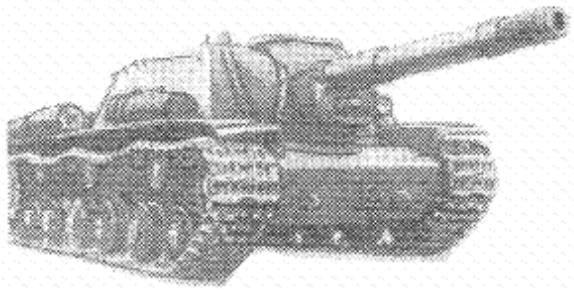
[1] - Г.В. Визирян - первый Генеральный директор Ступинского металлургического комбината.
[2] - А.И. Назаров - второй Генеральный директор Ступинского металлургического комбината.

Я помню...

Я помню дядю. Длинный и сутулый
Метался он перед отцом моим.
"Нет! Ты подумай! Немцы уж под Тулой!
А я со стариками здесь один.
И что военкомат так долго тянет?!
Какого черта мне повестки нет?"
И кулаки от ярости сжимает,
Как будто в них скрывается ответ.
"Постой, постой. При чем же здесь повестка?
Ведь ты остановлен с нами по броне?"
И дядя вновь подпрыгивает с места,
Кричит отцу: "На черта она мне!
Я добровольцем все равно уеду!" -
Прощаясь с нами твердо он сказал.
И военком ему в тот день к обеду
Вручил приказ: "С вещами на вокзал".
Пришел проститься тихий и смущенный,
Глаза лишь лихорадило в огне.
И долго по дорогам опаленным
Его судьба мотала на войне.
Он не вернулся. Пал в одной из схваток,
Исполнив честно свой священный долг.
А для меня остался он солдатом,
Одним из тех, кто Родину сберег.

Танк

Волнующих минут не позабыть!
Перед глазами танк на пьедестале.
Он в сорок первом здесь в Кашире был,
Когда гвардейцы за Отчизну встали.
Сердца горели от обид и ран.
Пурга гуляла по безмерной шири.
Вел танки на Москву Гудериан,
Но остановлен здесь был, у Каширы.
Я думаю о пройденном пути.
Как описать? Каким измерить словом
Тот день, как в контрудар пойти
Смогли прославленные конники Белова!
Сквозь рев и свист и полымя огней
За танками рванулась и пехота.
И вряд ли в мире в тот момент грозней
И сокрушительнее было что-то.
Фашисты гибли в смерче огневом.
У танка, что теперь на пьедестале,
Немало тех на счете боевом,
Чьи сапоги мой край родной топтали.
Гвардейский подвиг сохранят года,
Записан он в сердцах особым счетом.
И люди склонят головы всегда
Пред грозным танком в искреннем почете.



Солдаты на привале

Слушали солдаты на привале
Своего товарища бойца
Мастера душевного баяна,
Лучшего во всем полку певца.
Пел солдат о Родине любимой,
О далекой волжской стороне,
О своей оставленной дивчине
И о встречах с нею при луне.
И о том, что с каждым днем все краше
На земле становится нам жить,
И о том, что для Отчизны нашей
Радостно работать и служить.
Широко вздыхал баян мехами,
Рассыпая трели соловья.
Что случилось вдруг, солдаты с вами?
Почему примолкли вы, друзья?
Каждый вспомнил что-то дорогое,
В мыслях побывал в родном краю.
А над ними с неба голубого
Жаворонок песню лил свою.
Смолк баян. Но звуки, как живые,
Продолжали жить в сердцах солдат.
Старшина, крутнув усы лихие,
Молвил так:
-Спасибо тебе, брат!
А потом добавил, вспоминая:
-Здесь когда-то воевали мы.
Когда шли на запад, наступая,
Были здесь жестокие бои.
Посмотрели все кругом солдаты
На рубеж, где был когда-то бой.
Там, вдали, теперь белели хаты
И пшеница поднялась стеной.
А над ними чащей голубою
Высоко повисли небеса,
За игривой, синею рекою
Слышатся девичьи голоса.

Вся земля усыпана цветами,
Даже глаз от них не оторвать
Родина! Советскому солдату
Дорога ты, как родная мать.

Последнее письмо
/баллада/

“Пишу письмо тебе из Сталинграда,
Передовая - рядом, за углом,
Кругом гремит стальная канонада -
Идут бои за каждый метр и дом.
За нами Волга. А за ней... просторы,
Но нет за Волгой места для солдат.
Мы дали клятву: вражеские своры
Здесь разгромить и повернуть назад.
Пусть свирепеют в ярости фашисты -
Отвагой наши полнятся сердца.
Пусть будет бой по-прежнему неистов -
Мы выдержим все это до конца.
Мы выстоим, я это твердо знаю
С родной земли врага погоним вспять
С победой возвращусь к тебе, родная,
И будем праздник мы с тобой встречать”.
И выстояли. Только сына
Мать с битвы огненной не дождалась.
А то письмо, последнее поныне
Над смертью словно держит власть.
И накануне праздника Победы
Пришла старушка в заводской профком
-Вот пишет сын, что скоро мол приедет.
Да только рану бередит письмом.
Здесь он работал, набирался силы.
Потом ушел в бессмертие свое.
Я весточку оставлю коллективу,
Пусть люди знают про нее.
Письмо читали на большом активе.
Оно на подвиг каждого звало.
И встал солдат в единый строй с живыми,
Вошел он в комсомольское звено.
И бригадир перед другим нарядом,
Когда итоги вахты подведет,
Одним из первых по своей бригаде
По имени героя назовет.

Верность долгу

Сын далеко. Он на Камчатке служит.
И за него в тревоге мы вдвойне.
Как он живет? С кем из матросов дружит?
Что помнит о родимой стороне?
И письма издалека получая,
Стремимся прочитать их поскорей.
Мы с радостью всегда в них отмечаем:
Мужает сын средь боевых друзей.
Вот пишет он: “Лежит в снегах Камчатка,
На рейде притаились катера...
Верны матросы клятве без остатка,
В чем присягнули Родине вчера”.
А вот еще: “Наш распорядок строгий:
Подъем, отбой и вахта по часам.
Мы на чеку. И будьте Вы покойны.
Не зря Отчизна доверяет нам”.
Спасибо, сын, за службу боевую.
Отчизны берегите рубежи.
Не забывайте истину простую -
Родимым краем вечно дорожи.
Придешь домой. И кипенью цветенья
Тебя сады тогда благословят.
А вечером поманят на веселье
Напевы голосистые девчат.

Солдат вернулся домой

Сумерки окутали село,
Над рекой колышется туман
И поет о чем-то о своем
Где-то за околицей баян.
Лес стоит, таинственно дыша,
Пахнет мятой с заливных лугов
И плывет красавица луна
Меж кудрявых, тонких облаков.
Бледно освещает она путь
Пешеходу в этот поздний час.
Ветер освежает ему грудь,
И игриво плещется у глаз.
Кто же он? Не трудно и узнать
По походке видно, что солдат,
А навстречу воину летят
Песни голосистые девчат.
С каждым шагом ближе его дом
Он к нему в волненье побежал,
Постоял с минуту под окном
И нетерпеливо постучал.
Кто-то вышел. Он не долго ждал.
Сердце подсказало ему - мать!
Горячо старушку он обнял,
Впопыхах забыв поцеловать.
- Ваня! Сын мой! - голос задрожал,
Слезы заблестели на глазах.
- Проходи! Чего же ты здесь стал?
А сама повисла на руках.
На пороге встретил их отец
И спросил у сына будто так:
-Ну, Иван, вернулся наконец,
И к чему-то кашлянул в кулак.
Мать захлопотала у стола,
Все кидая на Ивана взор,
Вскоре завязался о делах
Самый задушевный разговор.
Заглянуло солнышко в окно,

А солдат по-богатырски спит.
И как в детстве, что прошло давно,
Мать покой сыночку сторожит.

Кашира – город легендарный

Кашира с гордой головою
Стоит на берегу Оки.
И ей былинной сединою
С Москвой помериться с руки.
Отважно грудью защищала
Она Престольный град всегда.
За то ее не раз сжигала
Татар набеглая орда.
Но словно Феникс воскресала
С молитвой Божьей на устах.
О ней молва не угасала
И возвеличила в веках.
Наш город славен по России
Своею ГРЭС, что свет дала.
Нашла Кашира в себе силы –
Удар фашистов приняла.
Броней их армия сверкала.
И перед ней склонялись все.
Кашира танки отражала,
Не пропустив врага к Москве.
И день Победы приближая,
Наш город храбро воевал.
Своих сынов благословляя,
На бой с фашизмом отправлял.
Так пусть потомок благодарный
Растит детей и льет металл.
Для нас - наш город легендарный
Судьбой завидной в жизни стал.

У дороги, связывающей г. Каширу
с п. Иваньково, уже сотни лет стоит
Курган. История его такова.

Курган

Курган под Колтово стоит,
Быть может, сотни лет.
Какой секрет в себе таит?
Какой он даст ответ?
А между тем молва гласит,
Что битва здесь была.
Под звон мечей, под крик и свист
Людская кровь плыла.
Когда-то город здесь стоял,
Был Колтовск невелик.
Торговля в нем вовсю цвела,
Сиял у церкви лик.
А по Оке во все концы
С товаром баржи шли.
И с гордостью тогда купцы
Честь городка несли.
А за рекою вдаль и вширь
Простор земли залег.
Белопесоцкий монастырь
Границы те берег.
Звенели песни о любви,
В нарядах да красе,
Как розы, девушки цвели
В той русской полосе.
Народ зажиточно там жил.
Боярин, что судья,
По справедливости рядил
Житейские дела.
И дальше б городу расти,
Цвести и богатеть,
Но хан Батый велел снести,
Его с земли стереть.
А все за то, что город встал

За честь родной Руси.
И у воинственных татар
Пощады не просил.
Мурза через своих послов
Суровый дал наказ:
"Сдаваться всем без лишних слов",
И получил отказ.
Броней вмиг город загремел,
Мечами засверкал.
Кто меч в руках держать сумел
В ряды дружины встал.
Но силы были не равны.
Тогда, как богатырь,
На помощь руку протянул
Могучий монастырь.
Он дал оружие и хлеб,
Да иноков лихих.
Во имя тех прожитых лет
Я свой слагаю стих.
Бой закипел. За валом вал
Шла конница врага.
Но русский воин все стоял,
Не дрогнула рука.
Тупились о броню мечи,
Ломались древки пик...
Но, как ни горько, а к ночи
У русских стяг поник.
Татар немало полегло
На берегах реки.
За это отплатили злом
И городок сожгли.
Потом ушли, оставив смрад,
Да трупы на холмах.
Их проводить был каждый рад
С оружием в руках.
Из пепла Колтовск не восстал
Уж в прежней красоте,
А лишь большой деревней стал
Почти в своей черте.

Растили хлеб здесь и детей,
Оправились от ран.
А от непрошеных гостей
Дозором встал курган.
Под ним лежат богатыри.
О них по всей Руси,
Здесь пролетая, журавли,
Ту славу разнесли.

ОЧЕРКИ

В ту суровую осень

В чистой, уютной и хорошо прибранной горнице Зои Ивановны Игнатовой тепло и как-то по мирному хорошо.

Мы сидим с ней за столом и неторопливо беседуем.

- А знаешь, Николай, меня наградили орденом Трудового Красного Знамени! - вдруг сообщила Зоя Ивановна, и глаза ее заметно повлажнели.

Как самую дорогую реликвию, достала она алую коробочку, где матово поблескивала дорогая награда.

- Что ж, - говорю, - вы его, Зоя Ивановна, заслужили всей своей жизнью.

Воспоминания унесли нас обоих в прошлое, к событиям сорок первого года. Это сейчас на земле Мало-Скуратовского сельского Совета Чернского района Тульской области тишину нарушает только рокот тракторов и автомашин. А осенью того года гремели выстрелы, заревом пожаров обагрились мирные села.

Зоя Ивановна училась в Тульском медицинском училище.

Но когда заполыхал в огне боев ее родной край, вернулась домой, в нынешний совхоз "Федоровский", где ее отец Иван Алексеевич Шадский работал фельдшером. Был он уже в годах, а потому на военную службу не попал.

- Ничего, дочка, не отчаивайся, - ласково встретил он Зою, - найдется и для нас здесь дело. А когда фашистов разгромят, доучишься.

Однажды на рассвете ноябрьского дня в окно тихо постучали. Отец прильнул к стеклу и в сером сумраке различил троих солдат. Двое стояли, один лежал.

- "Раненые", - обожгла мысль.

- Ну, мать, принимай гостей, - кивнул Иван Алексеевич жене Анастасии Павловне.

В дом вошли двое советских солдат. Третьего они несли на руках. Он был без сознания, бредил.

- Нас к вам послали люди. Помогите нам. Мы все ранены, - сказал один из бойцов.

По-русски он говорил нечисто.

- Мы двое из Уфы, - сообщил он. - А сержант - москвич.

У Николая Идиятова и Федора Шайхитинова ранения оказались неопасными для жизни, а у сержанта Павла Смирнова дело обстояло хуже. Вдобавок он заболел двухсторонним воспалением легких.

Окончив медосмотр, Иван Алексеевич сказал:

- Придется Вам полежать. Лазарета у нас нет, так что располагайтесь у меня.

Так в дом Зои Ивановны вошла война. С девичьей жалостью относилась она к раненым бойцам, делала им перевязки, вместе с матерью готовила еду. А между тем события развивались...

Примерно неделю спустя после описанного случая в совхоз "Федоровский" въехала карета красного креста, запряженная тройкой лошадей. В фургоне находились девять тяжелораненых советских бойцов. Фашисты уже захватили Чернь, и прорваться на восток карете с ранеными вряд ли бы удалось.

- Оставляйте их здесь, вылечим, - заверил сопровождавших карету бойцов И.А. Шадский.

Иван Алексеевич вместе с дочерью принимал раненых в совхозной конторе. Невероятную стойкость и выдержку проявили бойцы. Ни стонов, ни криков от них не услышали люди. Зато женщины, глядя на их раны, плакали, вспоминали своих мужей, сыновей, братьев, ушедших на защиту Родины.

Раненые нуждались в стационарном лечении и уходе. Больницы в совхозе не было, и фельдшер предложил жителям взять солдат по домам.

- У меня уже лежат три бойца, - сказал он. - Беру еще двоих, самых тяжелых.

Стоявший рядом сосед заметил:

- Да куда же ты их поместишь, Иван Алексеевич? Ведь у тебя семья семь человек!

- Ничего, в тесноте, да не в обиде, - ответил фельдшер.

Солдат Сизоненкова и Москалева перенесли в хату Шадских.

Бойца Федора Горюнова взял житель деревни Федоровка Петр Балаболин, Александра Казанцева - бухгалтер спиртзавода Ефим Высоцкий, В.П. Лапшина - работница Гарпина Сазонова, С.А. Пушкарева - работница спиртзавода Пелагея Егураева.

А вскоре в совхоз ворвались фашисты... Они отбирали коров, свиней, избивали людей.

Со станции Горбачево через совхоз двигался немецкий обоз.

Раскованные лошади скользили, падали. Одна из них не поднималась. Офицер приказал пристрелить ее, а сопровождающему обоз жителю Федоровки А. Исаеву - взять замену у крестьян.

В это время вел лошадь бывший ветврач совхоза Семин. К нему-то и обратился Исаев, сославшись на приказ немецкого офицера. Семин отказал.

Узнав об этом, фашист начал избивать ветврача. Собралась толпа. Люди молча наблюдали за происходящим. И вдруг из толпы выбежала Зоя. Схватилась за ствол автомата, твердо сказала:

- Не трогайте его!

Немец, махнув рукой, повернулся и ушел.

Бойцы привыкли к помощнице И.А.Шадского, встречали девушку приветливо. Ухаживая за ними, она вселяла надежду на быстрейшее выздоровление. Эта душевная теплота характерна для нее и ныне. И сейчас со всеми недугами люди из окрестных сел идут за помощью в Мало-Скуратовский медпункт, где Зоя Ивановна трудится бессменно более тридцати лет. Часто приходят не только с болезнями, но и за советом, за помощью как к депутату сельского Совета. На протяжении ряда лет коммунисты совхоза избирают ее своим вожаком.

... Однако вернемся к описываемым событиям. Начался морозный декабрь. Но в эти дни лица людей вдруг посветлели. Все чаще стали они заходить друг к другу, передавая вести о наступлении Советской Армии, о разгроме немцев под Москвой.

Однажды на заре со стороны Плавска послышались орудийные раскаты.

- Наши идут, - радостно заговорили жители села.

Вскоре земля совхоза "Федоровский" была очищена от захватчиков. Бойцы, находившиеся на излечении, влились в ряды Советской Армии и с оружием в руках пошли бить фашистов.

В медпункт совхоза поступали раненые. Через руки Ивана Алексеевича и Зои Ивановны их прошло более 400 человек. Каждого надо было перевязать, накормить, утешить. Список воинов, лечившихся у Ивана Алексеевича в те дни, сохранился. В нем имена Федора Семеновича Малыгина, Петра Николаевича Трофимова, Петра Ивановича Колесниченко и многих других. Иван Алексеевич Шадский умер в 1957 году. Дело его продолжает дочь. И, видно, неплохо продолжает, если Родина отметила ее заботы орденом Трудового Красного Знамени.

1967г.

На снимке З.И. Игнатова (Шадская)

Живая память

Мало осталось на перекличке тех, кто с оружием в руках отстоял независимость нашей Родины от фашистских захватчиков. Вот почему так дороги их воспоминания, живые слова о тяжелом прошлом. Помнит о суровых днях военной страды и Алексей Михайлович Кутыгин. Да и как их забыть, когда каждую пядь нашей многострадальной земли приходилось брать с боем, терять друзей. И хотя Алексей Михайлович разменял 75-ый год своей жизни, память его ясна. В малейших подробностях рассказывает он о боевых событиях, в которых ему пришлось участвовать.

... Охотское море штормило. Угрюмые волны набегали на галечный берег, шипя и пенясь, откатывались назад, чтобы, собравшись с силой, вновь кинуться на берег. Кутаясь в бушлат, молодой матрос пристально вглядывался в даль. На занятиях замполит особо подчеркнул недавно, чтобы моряки бдительно несли береговую охрану: за последнее время зашевелились японцы, стали чаще пускать плавучие мины в наших морях, нападали на рыболовецкие суда. Такие действия были далеко не случайны. Фашисты рвались к Москве и уже раструбили по всему миру о скором падении большевистской России. Эти вести беспокоили дальневосточников.

- Что-то писем давно не получаю, - мелькнула мысль у Алексея - как там наши? Удержат ли Москву?

И вспомнил он далекий город Касимов в Рязанской области, где прошли его безоблачное детство и буйная юность. В семье Михаила Егоровича и Дарьи Николаевны Алеша был шестым ребенком. Старшие все девочки. И отец гордился сыном, баловал его.

- Не посрамит он рода Кутыгиных, - не раз говорил Михаил Егорович жене.

И слова его оказались вещими. В городе Касимове есть индустриальный техникум. Наплыв в него абитуриентов всегда большой, а в ту пору оказалось 12 человек на одно место. Это не устрашило Алексея, и он с честью выдержал испытания, поступил в техникум, стал стипендиатом, что в ту пору было далеко не просто.

Полученный новенький диплом по специальности механик по технологическому оборудованию практически так и остался неиспользованным на производстве. Сразу же после окончания техникума в 1939 году призвали в армию, а через два года грянула Великая Отечественная война. Но полученные знания крепко

пригодились Алексею Михайловичу в дальнейшем.

Сведения от Советского информбюро, получаемые по радио и из газет, вызывали ярость в сердцах матросов. Многие просились скорее отправить их на фронт. И вот долгожданный момент наступил. Почти без остановок поезд мчался на Запад, навстречу врагу.

- Высадили нас тогда на станции Лог, - вспоминает теперь Алексей Михайлович, - а дальше, под Сталинград, пошли мы своим ходом. Здесь шли жаркие бои. Не считаясь с огромными потерями, фашисты рвались к Волге, стремясь поскорее взять важный стратегический пункт. Но советские войска мужественно сражались за каждый дом. Лозунг у воинов тогда был один - "За Волгой для нас земли нет".

На помощь героическим защитникам города пришла вся страна. Вовремя подоспели и дальневосточники.

- Сначала меня отправили в отделение разведчиков, - рассказывает бывший воин, - и первая встреча с врагом состоялась тоже с немецкими разведчиками.

А дело было так. Под Сталинградом в ту зиму залегли глубокие снега. Передвигаться можно было только по дорогам. По ней и шли наши разведчики. Но вдруг передовой остановился, поднял ушанку, прислушался. Впереди тарахтел мотор. Трое немцев ехали на мотоцикле, на гусеничном ходу. Захватить их не стоило особого труда. Фашисты оказались разведчиками и сообщили нашему командованию, что назавтра в 6 часов утра начнется наступление. Сведения оказались верными. Они совпадали с данными наших разведчиков. К встрече врага подготовились основательно. И когда фашисты приблизились, открыли ураганный огонь. Не ожидавшие такой встречи, враги растерялись и, бросая технику, оружие, откатились назад. С этого и началось мощное наступление наших войск на Запад.

Теперь уже А.М. Кутыгин стал танкистом. Часть постоянно пополнялась техникой. Алексей Михайлович сначала был стрелком, а потом, после ранения водителя, взялся за рычаги танка. Вот когда пригодились ему приобретенные в техникуме знания. Его танк - Т-34 в составе корпуса громил врага под Донбассом, Харьковым, Великими Луками. Отступая, враг жестоко огрызался, стремился удержаться на любом рубеже. Особенно сильную оборону он создал под Донбассом.

Здесь в одном из боев танк А.М. Кутыгина подбили, а самого его ранило. Но часть свою Алексей Михайлович не бросил, подлечился в госпитале и вновь вернулся на свой же отремонтированный танк.

А впереди ожидали тяжкие испытания. Танковый корпус

повернули под Прохоровку на Орловско-Курскую дугу.

- Вот где было очень страшно, - вспоминает Алексей Михайлович, - пехоты почти не видно. Вокруг одни танки да самолеты. С немецкой стороны волнами накатывались "Пантеры", "Тигры", но против наших Т-34 они оказались менее проворными и более уязвимыми. Несмотря на бешеный натиск, сражение фашисты проиграли.

И вновь бои. Уже на Белоцерковском направлении. Помнит Алексей Михайлович ожесточенные схватки под Житомиром, Шепетовкой, Львовом. Без преувеличения можно сказать, его танк исколесил Украину вдоль и поперек. И с грустью расстался Алексей Михайлович с ним, когда под Львовом на границе с Польшей пришлось покинуть своего "железного коня" и пересесть на бронетранспортер.

Начались бои за освобождение Польши. Сильную оборону создали немцы под Люблиным. Чтобы прорвать ее, на помощь танкистам пришли "Катюши", самолеты. Враг не выдержал, отступил.

- Почти с ходу мы ворвались в лагерь смерти Майданек, - говорит Алексей Михайлович, - жуткая картина представилась нам. Многих там фашисты успели убить. А живые прятались под трупами. И когда пленники узнали, что пришли советские войска, стали подниматься. Создалось впечатление, что встают трупы. Да люди и были похожи на них. Изможденные, затравленные, они кидались в наши объятия, плакали.

Долго там задерживаться не пришлось. Был приказ не давать врагу передышки. Впереди ждала Варшава.

- Но наш корпус внезапно повернули на Балтику, - говорит Алексей Михайлович, - здесь у врага скопилась сильная группировка.

Запомнились ожесточенные бои под Бреслау, Нойбрандербургом. И особенно под Кенигсбергом, где погиб генерал армии Черняховский. Враг задыхался, но сражался до конца. Особенно досаждали фаустпатронами снайперы. Но силы гитлеровцев уже были на исходе. Лавину советских войск сдержать они не могли. Танковая армия, в составе которой был А.М. Кутыгин, повернула на Дрезден и Гамбург. Здесь и окончилась для него война. Теперь о ней напоминают три ранения, да правительственные награды: два ордена "Красной звезды", два ордена Отечественной войны, четыре благодарности от Верховного главнокомандующего. В звании старшего сержанта вернулся Алексей Михайлович домой.

1995г.

Горжусь дедом !

Все меньше и меньше остается тех, кто в грозные годы Великой Отечественной войны сражался с фашистами. В феврале 1996 года ушел из жизни заслуженный чекист, кавалер четырех боевых орденов, двух медалей "Партизан Великой Отечественной войны первой степени", житель города Ступино Александр Дмитриевич Слепнев.

- Дедушки теперь нет с нами, но я горжусь его героическим прошлым, - взволнованно говорит внучка Наташа Корзуева.

Да и есть чем гордиться. Известно, что в сентябре 1941 года создалась реальная угроза оккупации части районов Московской области гитлеровскими захватчиками. Тогда и стали создаваться партизанские отряды на местах. Один из них активно действовал в Волоколамском районе. В него вошли партийные, комсомольские работники, сотрудники милиции, органов государственной безопасности. Начальником штаба и разведки был назначен Александр Дмитриевич.

Много боевых операций было им разработано и осуществлено, отчего фашисты несли большой урон в живой силе и технике. Вот одна из них. По шоссе Клин - Волоколамск между селениями Суворово и Туруево передвигались большие массы войск. Через реку Сестра был мост. А по обеим сторонам дороги к нему тянулись глубокие противотанковые рвы, за ними громоздились лесные завалы. Миновать мост невозможно. Это предвидели штабисты партизанского отряда и решили взорвать его. Выполнение боевого задания возложили на группу партизан в составе 12 человек, под руководством И. Шлекова. И вот одетые в маскировочные халаты они 16 декабря скрытно подошли к мосту. Изучив движение часовых, трое подрывников с наступлением темноты ползком спустились под мост. Немецкие патрули ходили по нему. Когда они приближались, работа подрывников прекращалась. Целых четыре часа шла подготовка к взрыву. Зато и результат оказался добрым. Подошла колонна автомашин. И когда первая из них въехала на мост, раздался взрыв.

В течение дня у взорванного моста скопилось около 500 автомашин фашистов. По данным, полученным из отряда, наша штурмовая авиация двое суток бомбила скопление транспорта на данном участке дороги и не давала фашистам восстанавливать мост.

В другом месте минеры под руководством Ильи Кузина ночью взорвали склад боеприпасов. О том эпизоде хорошо помнят жители

деревень Глухино и Свистуново. Впоследствии И. Кузину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Заслоном встали партизаны на пути движения фашистских войск по дорогам Подмосковья. Много врагов полегло здесь от их метких пуль.

Помимо боевых операций отрядом проводилась и политическая работа на оккупированной территории. Передаваемые новости из Москвы распространялись среди населения, поднимали его моральный дух. Особенно велика была радость при известии о разгроме немцев под Москвой. Ее-то и услышали первыми от партизан жители деревни Таксино. Собравшимся людям подробно рассказали о провале захвата немцами столицы секретарь подпольного райкома партии В.П. Мыларщиков и, конечно же, А.Д. Слепнев.

Незадолго до освобождения района от фашистов разведка установила связь с крупным соединением Красной Армии, которым командовал полковник Чанчибадзе. Оно действовало в тылу противника, разрушая его коммуникации и уничтожая гарнизоны. С приходом соединения перед штабом отряда встали новые боевые задачи. Нужно было наладить выпечку хлеба и уход за ранеными. И с этой задачей партизаны успешно справились. Помогли колхозники.

После войны А.Д. Слепнев долгие годы трудился на Ступинском металлургическом комбинате в ОТК цеха товаров народного потребления. Честный, принципиальный, он и здесь оставил свой глубокий жизненный след в коллективе. Так что внучка по праву гордится дедом.

1996г.

Судьба вела и берегла

Навсегда запомнился В.А. Богатову хмурый декабрь 1942 года. Фашисты тогда, хотя и откатывались на запад в свою берлогу под мощными ударами Советской Армии, сопротивлялись упорно, цепляясь за каждое укрепление. Особенно боялись они пикирующих бомбардировщиков, называя их летучими танками. На одном из таких и летал Владимир Алексеевич. Летчик он был опытный и бесстрашный. Выполнял самые ответственные задания по выслеживанию и уничтожению врага. Однажды вызвал его начальник корпуса Н.А. Рыбальченко.

- В пункте Н. в двухэтажном здании по нашим развед-данным находится немецкий штаб крупного вражеского соединения. Необходимо его разбомбить.

- Есть! - коротко, по-военному ответил В.А. Богатов, козырнув, вышел.

Вскоре его экипаж на боевой машине поднялся в воздух и взял курс на цель. Погода не улыбалась. Тяжелые свинцовые облака заволокли небо. Пришлось идти под нижней их кромкой. Точно по расчету пикировщики выходили к цели. Но и фашисты не дремали. На подходах к штабу они сосредоточили много крупнокалиберной зенитной артиллерии. И как только самолет вошел в их зону, открыли бешенный огонь. Белые облачка от взрывавшихся снарядов все плотнее окутывали пикировщик. Но несмотря на шквал огня, летчик не отклонился от курса. Стрелок-радист Танников, прильнув к пулемету, приготовился вести ответный огонь по вражеским зениткам. Немного осталось до цели, когда, вдруг самолет встряхнуло от сильного удара, эластичность полета его нарушилась, хотя и продолжалась. Вначале, в горячке Владимир Алексеевич не ощутил боли, а потом почувствовал, как по телу и лицу льется горячая, липкая кровь.

- Ранен, - мелькнуло в голове, - но врешь, не возьмешь. До цели доберусь.

И вот он двухэтажный дом. Штурман Зуйко нажал рычаг и бомба ринулась вниз. А вскоре там, где стоял дом, поднялось курчавое, темное облако с проблесками огня. Штаб уничтожен. С трудом вернулся В.А. Богатов на свой аэродром, где подоспевшие товарищи вытащили его из кабины.

- Задание выполнено, - доложил он командиру и сник.

Ранение оказалось серьезное. Осколки металла глубоко засели

в предплечье и в лице. Забегая вперед, скажу, что удалить их пришлось уже в мирное время, а один сидит и до сих пор в подбородке, напоминая о прошлой боевой молодости, хотя Владимир Алексеевич и разменял восемьдесят шестой год своей жизни. Вот такой замечательный человек, подполковник запаса живет в городе Ступино по улице Октябрьской, 46. Без преувеличения можно сказать, что вся грудь его увешана орденами и медалями за боевые заслуги. Я их насчитал двадцать. Среди них Орден Ленина, два Ордена Красной Звезды, Орден Отечественной войны первой степени, медаль за участие в боевых действиях против японских милитаристов на Халхин-Голе и многое другое. За каждым знаком отличия стоят горячие дела в схватках с врагами.

Уже лежа в госпитале, В.А. Богатов, словно кадры в кинофильме, прокрутил свою жизнь. И оказалась она у него на редкость бурной и светлой для нашей бывшей советской действительности.

Родился Владимир Алексеевич в далеком теперь 1911 году в городе Саратове. Через девять лет умерла мать. Отец Алексей Тимофеевич, как коммунист, принял горячее участие в судьбоносных для Родины революционных событиях. По стране вовсю гулял голод, тифозный сыпняк, смерть и разрушение. Отца мобилизовали в специальный отряд, выполнять задание по продразверстке, а мальчика определили в детский приют, который находился в городе Махачкале. Потом переводили в города Грозный, Буйновск.

- Там мы учились, росли, - вспоминает теперь Владимир Алексеевич, - и никогда не испытывали неприязни народов Кавказа. Скорее наоборот, тамошние жители жалели нас, а сверстники мальчишки, девчонки дагестанцы, ингуши, чеченцы приходили к нам играть, приносили и делились с нами чуреком, по-нашему хлебом.

Больше года искал своего сына Алексей Трофимович в то бурное время, а когда нашел, переехали в Баку, потом опять в Саратов. Подросшего Володю взял к себе в Ленинград крестный дядя Володя, хотя и у самого была большая семья, а ютились в крохотной квартире. Здесь Владимир окончил восемь классов, в неполные 17 лет работал помощником мастера на вагоностроительном заводе имени Егорова. Вступил в комсомол, потом в ряды КПСС. Из этого коллектива по разнарядке комсомола был отправлен в военно-теоретическую Ленинградскую школу. И с 1929 года вся его жизнь прочно связалась с отечественной авиацией. Можно без преувеличения сказать, что все модели самолетов побывали в его руках, пока не освоил штурвал могучего пикирующего бомбардировщика. Летал на таких типах

самолетов, как "Авро", у которых пропеллер крутился вместе с мотором. Потом были "ЭР-1", "ПУ-2"; двухмоторные "ТБ-1" и четырехмоторные. С каждым годом крепла авиационная промышленность, появлялись все более усовершенствованные боевые самолеты нашей страны, для которых необходимые материалы поставлял и наш "Ступинский металлургический комбинат", являющийся по праву флагманом авиационной промышленности.

Летному мастерству обучался В.А. Богатов в Борисоглебске, Ейске, Конотопе, Кировограде и других местах. Кстати, в Борисоглебске Владимир Алексеевич встретил свою любовь Ольгу Васильевну, да и прошагал с ней рука об руку все долгие годы в мире и согласии.

Жизнь военного летчика не очень тяготила Ольгу Васильевну, хотя на одном месте засиживаться никогда не приходилось. Воевал муж в Монголии, в Финляндии, на многих фронтах Великой Отечественной войны. И всегда, зачастую незримо, с ним присутствовала Ольга Васильевна. По многим дорогам вела судьба Владимира Алексеевича, от многих бед спасла его. Конечно, сказывались и приобретенный опыт, мастерство в вождении самолетов. Был случай, когда из Красноярска под Москву перегонял дивизию самолетов. Сначала погода благоприятствовала. А над Уральскими горами попали в плотные облака. Молодые летчики растерялись и две боевые машины разбились. Погибли восемь человек. А Владимир Алексеевич пробил облака и на высоте более 4000 метров вышел в лазурное небо, сориентировался и посадил свой самолет на аэродром.

Нельзя не отметить и тот факт, что наряду с боевыми действиями, В.А. Богатов упорно учился в Московской военной академии имени Ленина. Со значительными перерывами, но окончил ее. Поэтому ему не случайно доверили ответственную должность начальника политотдела Первой Польской бомбардировочной дивизии.

- Там мы обучали поляков летному делу, передали им большое количество самолетов, - вспоминает теперь Владимир Алексеевич.

Потом, после войны работал инспектором в политуправлении, заместителем командира по политчасти в штурмовой авиации в Липецке.

Демобилизовавшись в 1968 году, переехал в наш город. Но и после не сидел без дела этот беспокойный человек.

В прошлом году наш город отметил важную дату - 50-летие разгрома фашистской Германии. Мало теперь осталось на перекличке тех, кто вершил это святое дело. Среди них жив и В.А. Богатов.

1995г.

Женское сердце

Интересовались ли Вы, сколько может вынести женское сердце? Судя по тяжким испытаниям, выпавшим на долю Ирины Евсеевны Ларионой (девичья фамилия Диденко) - многое. И еще сохранить тепло и душевность в отношениях с людьми. Семьдесят пятый год разменяла Ирина Евсеевна. За это время пройдено, увидено и пережито столько, что и в десять жизней не уложишь.

В глухом Полесье Могилевской области Белоруссии, вдали от железнодорожной станции Славной затерялась небольшая деревенька Полежаевка. Здесь в семье лесника Евсея Игнатьевича и колхозницы Ксении Акимовны родилась и выросла Ирина. Училась в Минске на пионервожатую. Но работать пришлось недолго. Всего два года.

- Помню готовились мы к районной Олимпиаде, которая должна проходить в райцентре Круглое, - вспоминает Ирина Евсеевна, - весь преподавательский персонал и старшеклассники Симоновской средней школы, как говорится, были подняты на ноги. Думали взять призы на соревнованиях. Да не пришлось. Едва приехали, узнали о войне. В первый же день фашистские стервятники бомбили Круглое. Мужчины, парни бросились к военкомату. Как назло, туда угодила бомба. И тех, кто недавно был рядом, не стало в живых.

Напуганная увиденным, девушка поспешила домой. А по дорогам отступали наши войска. Один из командиров, а это был Сергей Георгиевич Жунин, остановил Ирину вопросом:

- Куда спешишь?

- Домой, в Полежаевку. Там моя семья.

- Да, но деревня-то уже занята фашистами. Мы идем оттуда. Так что присоединяйся к нам. Вместе будем пробиваться на восток, к нашим.

- Нет. Мне домой надо, - последовал решительный ответ. Не знала тогда Ирина, что судьба надолго свяжет ее с Сергеем Георгиевичем Жуниным, возглавившим партизанский отряд в тех местах.

В Полежаевке, действительно, были немецкие танкисты. Вели себя они нагло, развязно. Около них уже увивались предатели, из которых впоследствии формировались полицаи. Здесь же находился и бывший председатель колхоза Шайтан. Многие партийные, комсомольские активисты, учителя, работники сельского Совета скрылись в глухих лесах. С ними ушел и брат Ирины - Федор. Все они

потом влились в партизанский отряд. Леснику Евсею Игнатьевичу были хорошо известны потайные стежки-дорожки в обходе, по которым он многих проводил в отряд. Не только своих односельчан, но и красноармейцев, выходящих из окружения. Шайтан, конечно, догадывался о том, кипел от злости, старался выслужиться перед фашистами. И такой случай подвернулся.

Однажды Евсей Игнатьевич возвращался из лесу домой. Встретил жену Шайтана.

- Ты, вот что, Анна, - остановил он ее, - предупреди своего, пусть не злобствует. Мы на родной земле стоим, а фашистов все равно разобьем. Смотри, не пожалел бы потом.

Эти слова Шайтаниха передала мужу. Тот бросился в гестапо. К вечеру вся семья была арестована.

- Привезли нас тогда в деревню Стаи, где находился немецкий гарнизон - говорит Ирина Евсеевна, - а там уже собрали народ, установили виселицы. Кроме отца с матерью было нас четверо сестер. Первым повели на казнь отца.

- Говори, где скрывается партизанский отряд? - допытывался гестаповец.

- Не знаю.

После такого ответа немцы стали жестоко избивать лесника.

- Люди, - кричал Евсей Игнатьевич, - не верьте фашистам. Москва стоит, наши вернутся и за все взыщут.

На виселице оборвалась жизнь старого Диденко. Казнить же женщин народ не позволил.

- Вернулись мы тогда в Полежаевку, а хаты нашей нет, - говорит Ирина Евсеевна, - немцы сожгли, а пожитки разграбили полицаи.

И тогда ушла Ирина в партизанский отряд. Ходила по селам, собирала сведения, где и сколько стоит фашистов, какая техника. Вместе с другими искала оружие, минировала дороги. Специалистами и боевыми припасами помогала "Большая земля", как тогда называли Москву. Партизаны уничтожали фашистов в засадах, громили гарнизоны. Немцы боялись ходить в леса. Некоторые глухие деревни так и оставались партизанскими. Таким была и Падор, где проживала мать Ирины.

Однажды дочь пришла к ней с двумя парнями, увешанными оружием. Но не успели обсушиться и перекусить, как нагрянул карательный отряд немцев. Там был и Федор Авилов, бывший партизан, переметнувшийся к фашистам. Он первым заметил Ирину и ее товарищей, поднял крик:

- Ловите. Это самые ярые партизаны. Я их знаю.

Силы оказались неравные. Троих партизан поймали, раздели, привязали к оглоблям саней и погнали, стегая то лошадь, то пленных кнутом. В деревню Стаи прибыли к вечеру. Начались допросы, пытки. Партизаны молчали.

- Ничего, разговоритесь утром, - пригрозил гестаповец.

Ночью немцы перепились, уснули. У крыльца маячил часовой.

- Хлопцы, - зашептала Ирина, - нам терять нечего. Бежать надо.

- Да куда побежишь раздетый и разутый, - засомневался один из парней.

А другой молча взял со стола нож, тихо вышел на улицу, с размаху ударил часового в сердце. Тот, не охнув, осел в снег.

- Побежали мы к лесу, - вспоминает Ирина Евсеевна, - и уже недалеко было, но увидели погоню. Конники приближались, открыли огонь. Парней обоих убило, а меня тяжело ранило в руку. Не помню, как я тогда добралась до отряда. А мать мою немцы облили керосином и заживо сожгли. До сих пор слышу ее мученический предсмертный голос.

А борьба продолжалась. Руку вылечили. И еще во многих боевых операциях участвовала Ирина Евсеевна. Запомнился бой в деревне Вабичи, который произошел ночью 15 июля 1943 года. Немцев там было много. Руководство партизанского отряда решило их разгромить. Бой завязался ночью.

- Помню, ворвалась я в один дом, - рассказывает Ирина Евсеевна, - из автомата побила фашистов, которые спали на соломе. Потом меня схватил здоровый немец. Вырваться не могу. Ну, думаю, конец. Вдруг, чувствую, руки у фашиста ослабли, и он упал. Обернулась, а сзади стоит наш пулеметчик Иван Купринов с кинжалом в руках. Он и порешил вражину.

- Да мало ли таких эпизодов было в нашей жизни, - заключает Ирина Евсеевна, - смерть шла рядом с нами.

Но была и любовь. Встретила Ирина своего суженого. Он оказался из Щелкова Московской области. После войны приехали к его родителям. Родила Ирина мужу четырех сыновей. А растить их пришлось одной. Работала за двоих. Ее хорошо знают в ОРСУ Ступинского металлургического комбината, как неутомимую и добросовестную труженицу, хорошего специалиста по кровле, отделке помещений.

О боевом прошлом напоминают ветерану награды Родины.

1995г.

Тропа разведчика

О полном кавалере орденов Славы, знатном бывшем литейщике 41 цеха П. Н. Жеребцове написано немало очерков, рассказов, зарисовок в газетах и книгах.

-Но читаешь, порой, написанное о пройденном пути и как-то неудобно становится - с грустью замечает Петр Николаевич, - словно бы и не обо мне идет речь. Уж очень все выглядит пафосно и просто. На самом деле все обстояло гораздо сложнее и суровее.

Прощай, Хворощевка

Хорошо помнит Петр Николаевич тот день, когда умерла его мать Мария Семеновна. В ту пору шел ему двенадцатый год. Придя с кладбища, забился в скорби в темный угол избы, где и застали его синие вечерние сумерки. Не слышал как подошел к нему отец, опустил на вздрагивающие худые мальчишечьи плечи тяжелую руку.

-Не плачь, сынок, - проговорил ласково. Мне тоже жаль мать, да что делать? Такова судьба, надо жить.

Действительно, жизнь не стояла на месте. Остался Николай Денисович с тремя малолетними сыновьями. Как их вырастишь, поднимешь без женского участия? Вот и пришлось свататься к вдове Матрене Михайловне, у которой тоже было трое детей.

-Трудно одному, мне, Мотя, - просто объяснился с женщиной Николай Денисович, - да и тебе нелегко без мужской поддержки. Давай сойдемся. Люба ты мне.

-Что же,- ответила Матрена Михайловна - так обоим нам будет легче.

Семья Жеребцовых сразу выросла на четыре человека. Прокормить восемь человек оказалось делом нелегким. Супесчаные земли деревни Хворощевки Скопинского района Рязанской области малоплодородны. И колхоз их был не богат. Вот почему Петр очень внимательно слушал разговор, зашедшего к отцу друга Ивана Петровича Забавина.

-Скудновато живешь, Николай, - заметил Иван Петрович, - такую ораву не прокормить. Отпусти со мной Петьку в подпаски. Я вот какой год уже пасу скотину в деревне Вележево Иваньковского района Тульской области. Колхоз там зажиточный. Парень и сам будет сыт одет-обут, да и семье подмога.

Три года Петр ходил в подпасках, а потом сельчане доверили ему самому стадо. Вскоре сюда переехала и семья Жеребцовых. Колхозники охотно приняли ее - многочисленную да трудолюбивую. Жизнь налаживалась, но грянула война.

В августе 1941 года ушел на фронт отец, а ровно через месяц пришла повестка и Петру.

-Помню, пахал я на лошадях зябь. Смотрю стоят на меже две женщины - мать и секретарь сельского Совета. Екнуло сердце - за мной, - рассказывает Петр Николаевич.

Военкомат направил его во Владивосток. Но моряком ему стать не пришлось. Враг стремительно шел к Москве. И многие дальневосточники, в том числе и новобранцы рвались на передовую. В их числе был Петр Николаевич Жеребцов. Просьбу его удовлетворили. В Казани шло переоформление по родам войск. Что-то приглянулось военкому в Петре и он коротко бросил:

-Направить на учебу в разведчики.

-Обучались по ускоренной программе. Приходилось все схватывать на ходу.

-А мастерство придет в боях, - не раз подчеркивал начальник разведшколы.

Так оно и случилось.

Между жизнью и смертью

Первые бои Петру Николаевичу запомнились на Дону, где служил он в бригаде 305 стрелковой дивизии. Фашисты рвались к Сталинграду и дивизии постоянно приходилось быть в стычках с ними, сдерживая натиск. Яростные схватки разгорелись под Воронежем, на Орловско-Курской дуге, под Белгородом. Это начало ратных путей Петра Николаевича. В перерывах между боями любил он посидеть в кругу своих боевых товарищей, послушать задушевную песню:

"Темная ночь, только пули
свистят по степи.
Только ветер гудит в
проводах,
Тускло звезды мерцают..."

Она, эта песня и теперь берет за сердце, хотя и прошло с той поры более полувека. Да и как она забудется, если все это пережито испытано. В боях под Харьковом Петра Николаевича тяжело ранило. Более полугода пролежал в госпиталях на Северном Кавказе. А вылечившись, попал по распределению в 383 стрелковую дивизию отдельной Приморской армии. Бои разгорались за освобождение Крыма. Дивизия расположилась под Керчью. Здесь в дни затишья Петр Николаевич и освоил пулемет "Максим", который выручил разведчиков в трудную минуту.

А было так. Перед полковой разведкой командир поставил задачу - достать "языка", знающего расстановку своих боевых позиций. Предрассветные сумерки поглотили группу захвата. Сквозь проложенный путь в колючей проволоке передовой разведчики проникли на территорию врага. Вот они, окопы, занятые фашистами. Слышится чужая гортанная речь. Медлить нельзя. Восток все более багровеет, отступает туман. Короткий бросок и в первом окопе завязалась схватка. Короткими ударами кинжалов прикончили несколько фашистов, одного самого драчливого связали, поволокли. Но возня на передовой не осталась не замеченной. По следам разведчиков бросились фашисты. И не уйти бы им с такой поклажей, не окажись на пути окоп. А в нем в полном боевом снаряжении стоял "Максим". Пулеметчик лежал рядом убитый. Жеребцов припал к рукоятке пулемета и хлестнул по врагам очередью. Своим друзьям Григорию Медведеву, Виктору Мещевскому, Косте Мамедову крикнул:

-Уходите с "языком". Я задержу фашистов.

Враги никак не ожидали такого шквального огня, залегли. А вскоре на подмогу подоспели пулеметчики из соседней роты. Атака врагов захлебнулась. Фашист был доставлен командиру полка и дал ценные показания. За умелые действия, находчивость и отвагу Петр Николаевич получил свой первый орден Славы третьей степени. Случилось это под Балаклавой в боях за освобождение Севастополя. Здесь, заполняя наградной лист, командир полка начал описание подвига такой характеристикой: "Жеребцов - бесстрашный разведчик".

Но слава их высокая тебе принадлежит...

Свое бесстрашие и находчивость, выдержку и инициативу комсомолец Петр Жеребцов проявил снова в районе Георгиевского монастыря. 9 мая 1944 года он в атаке первым ворвался в траншею

врага, гранатами и огнем автомата уничтожил пулемет с его расчетом, чем обеспечил успех боя на своем участке. Оценивая этот солдатский подвиг и многие другие, совершенные Петром Жеребцовым, командующий армией А.И. Еременко наградил его орденом Славы 2 степени.

А вскоре после короткой передышки и переоформления прославленная Феодосийская дивизия вошла в состав 33-й армии 1-го Белорусского фронта. Войска этого соединения заняли плацдарм на западном берегу Вислы, в районе города Пулавы и отсюда в январе 1945 года совершили решающий прорыв вражеской обороны. Далее они могучим рывком двинулись на соединение с частями 1-го Украинского фронта, окружили и уничтожили вражескую Кельц-Радомовскую группировку и устремились к Одеру.

В Висленско-Одерской операции умножил свои боевые традиции и Севастопольский полк, где служил кавалер двух орденов Славы Петр Николаевич. В ночь, накануне прорыва, 14 января опытный разведчик разгадал систему обороны врага в полосе наступления полка. Сведения оказались важными и точными. Они с успехом использованы летчиками-штурмовиками, артиллеристами и пехотинцами.

Да разве перечесть все ратные подвиги, совершенные разведчиком Петром Жеребцовым в постоянных схватках с врагом. Вместе с другими разведчиками прокладывал маршрут движения полка. И бои, бои... Это теперь легко писать, как подымались бойцы в атаку. А ведь разведчики всегда шли первыми на амбразуру врага, постоянно подвергая себя смертельной опасности. Сколько их, молодых и смелых, не вернулось с кровавых полей войны! И Петр Николаевич не прятал свою грудь в кустах.

-Было ли страшно? - интересуюсь у него.

-Было, - отвечает он, - не так просто оторваться от земли и броситься в атаку, навстречу пулям и штыкам. Но иначе было нельзя.

Десятого февраля 1945 года большой группировке немцев удалось окружить два батальона полка. Положение их оказалось критическим. Выручили разведчики. Всего девять человек их бросились в атаку, когда гвардии капитан Тимощук на рассвете скомандовал:

-Вперед в атаку! За мной!

-Враги никак не ожидали удара. Видимо подумали, что к батальонам подошла подмога. И, бросая оружие, побежали. Сам командир части подполковник Кельбас, тоже прокопченный пороховым дымом, усталый вышел на встречу разведчикам, обнял их.

-Орлы! Представить к награде! Всех представить к награде!

Жеребцова и Мамедова - к ордену Славы 1 степени! - коротко бросил он капитану Тимощуку.

Шестого апреля 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил разведчика 1-го Белорусского фронта Петра Николаевича Жеребцова орденом Славы 1 степени.

До конца войны осталось тридцать дней. И они были насыщены ратными делами у П.Н.Жеребцова. Побывал солдат и в Берлине.

Победа! Сколько глубокого смысла в этом звучном слове! Далась она ой как нелегко. Только за годы войны погибло более двадцати миллионов советских людей. Это официальные данные. А сколько неучтенных жертв, сколько разоренных городов и сел.

С душевным ликованием возвращались солдаты домой. Как самых дорогих и близких людей провожали их, освобожденные от фашистского ярма народы- с песнями, цветами.

Вернулся в свое Вележево и Петр Николаевич Жеребцов. Семья ждала его. Отец демобилизовался в 1944 году по ранению и болезни. По случаю возвращения сына собрали скромное застолье. Пригласили председателя колхоза А. И. Сунозова. В своем приветственном слове Александр Иванович сказал:

-Возвращаются наши орлы. Теперь заживем. А то совсем обнищали без крепких мужских рук.

Дел, действительно оказалось много. А где их не было? Кругом развертывались, рождались в грохоте и гуле мирные стройки. Требовалось все больше металла, строительных конструкций, станков. Бывшего фронтовика потянуло к большим делам. Да и не искал Петр Николаевич легких путей. Поступил работать на Ступинский металлургический комбинат в 41 цех, освоил "огненную" профессию, стал литейщиком. Не сразу пришло профессиональное мастерство. Помогли старшие, более опытные товарищи. Особенно благодарен Петр Николаевич начальнику смены Николаю Степановичу Горшкову и бригадиру литейщиков Александру Ивановичу Депцову. Вместе осваивали новые технологии, совершенствуя качество выпускаемой продукции. Однажды в цех, на участок плоского литья поступил особо важный ответственный заказ - изготовление слитков на экспорт, новых, ранее не производимых размеров с повышенными требованиями к качеству. Технолог Ю.Ф. Волков, обращаясь к бригадиру А.И. Депцову полюбопытствовал:

-Не подведете? Заказ-то особенный.

-Да и люди у нас не простые, - улыбнулся в ответ бригадир, - орденоносные. Так что не сомневайтесь.

Горячо взялся за порученное дело П.Н. Жеребцов. И не подвел. Контролеры проверили качество изготовленных им слитков. Оно оказалось на высоте. Слитки отличались гладкой, словно отполированной поверхностью, без трещин и наплывов в "теле" изделия ни малейших шлаковых включений. Заказчик остался доволен.

Это только один из множества примеров двадцатипятилетней деятельности Петра Николаевича в цехе. В 1973 году он ушел на заслуженный отдых. А на его место встали в строй трое сыновей. Старший Анатолий стал фрезеровщиком в 55 цехе, Владимир электрик в 41 цехе, а младший Юрий бывший пограничник в совершенстве освоил профессию резчика металла на одном из участков в 42 цехе. Работала крановщицей в 41 цехе и жена П.Н. Жеребцова – Зоя Васильевна.

Познакомился с ней Пётр Николаевич через свою родственницу в деревне Тишково Ступинского района. Приглянулись друг другу. Поженились. Вначале трудно было с жильём. Приходилось каждый день приезжать на работу из деревни Тишково. А это не близко. Дорога изматывала хуже смены.

Однажды вызвал П.Н. Жеребцова к себе в кабинет военком:

- Как живёшь, герой? – поинтересовался он.

- Всё хорошо. С жильём вот только заминка. А семья-то разрослась. Уже внуки пошли.

Военком тут же набрал номер телефона бывшего Генерального директора Ступинского металлургического комбината Л.Н. Константинова.

- Лев Николаевич, - обратился он к нему, - много ли у нас в Ступине полных Кавалеров Орденов Славы? Раз-два и обчёлся. А у вас на комбинате и вовсе один. Нельзя ли помочь семье Петра Николаевича с жильём?

Долго молчал телефон. С тревогой ждал ответа П.Н. Жеребцов и услышал:

- С большим трудом, но поможем.

Вскоре его семья въехала в трёхкомнатную благоустроенную квартиру в центре города Ступино. Заслужил её герой всей своей ратной и мирной жизнью. Обеспечена его старость и пенсией. Теперь с отцом живёт только младший сын.

По праздникам собирается вместе вся большая, дружная и трудолюбивая семья Жеребцовых. И тогда за праздничным столом Пётр Николаевич выпьет рюмку, вспомнит былое и непременно споёт свою любимую песню: " Тёмная ночь, только пули свистят по степи …"

Русская земля всегда была и будет сильна своими защитниками. Яркий пример тому жизнь таких людей, как у Петра Николаевича Жеребцова, беззаветно отданная своему народу, Родине.

1996 г.

На снимке: П.Н. Жеребцов

Горел, горел, да не сгорел …

Последнее, что помнил Н.С. Амелин в тот тяжкий, незабываемый день – взметнувшееся пламя перед танком, привкус горьковатой земли и потухающее сознание.

Случилось это 14 мая 1945 года, когда повсюду праздновали Победу над гитлеровской Германией, и когда все думы были о возвращении на Родину. Но отдельные фашистские группировки в Прибалтике ещё не сложили оружие, ещё дрались, надеялись на чудо. И танковому корпусу, где служил Николай Семёнович, хватало дел.

Очнулся он в госпитале. И первый вопрос его к врачам был таким:

- Что с командиром танка?

- Жив, последовал ответ, - но в тяжёлом состоянии.

Потянулись томительные дни на больничной койке. И в памяти многое тогда перебрал Николай Семёнович. Часто грезилась ему небольшая, привольно раскинувшаяся на крутом берегу реки Оки деревенька Колтово Каширского района, где осталась мама. Почти пять лет не виделся он с ней, захваченный полымем войны. Сквозь скупые строчки писем, получаемых из дома, чувствовалось, что житьё там нелёгкое. Да и кому тогда было хорошо? Разве только разного рода прощелыгам да спекулянтам? А колхозники работали без устали, практически не получая ничего за свой труд. Перебивались подсобным хозяйством. Но мама не жаловалась. Наоборот, ободряла Николая, ждала его домой.

Вспомнилась и безмятежная юность, учёба в средней школе Каширы, начало трудовой деятельности на Ступинском металлургическом комбинате в качестве шлифовщика. Были мечты учиться дальше, в институте иностранных языков. Прельщал персидский. Да перечеркнула всё война.

С первых же дней в свои неполные девятнадцать лет надел Николай солдатскую шинель. Смекалистого, расторопного, его направили на ускоренные курсы танкистов. Так он стал механиком-водителем. Разные марки боевых машин побывали в его руках. Были Т-70, ИС-122, но больше всех нравился Т-34.

- Надёжный танк, - констатирует и теперь Николай Семёнович, - быстроходный и грозный. Его очень боялись фашисты.

А война всё дальше откатывалась на восток. Бои уже шли под Сталинградом. Танковый полк, где служил Н.С. Амелин, находился в самых горячих точках, сдерживая натиск врага. Но солдаты чувствовали

– скоро наступит перелом в битве. И он пришёл. Зимой 1942-1943 годов перед танкистами была поставлена задача прорвать линию обороны врага и начать окружение фашистской группировки под Сталинградом.

- Этого момента давно все ждали, - рассказывает Николай Семёнович, - и потому в бой мы вступили смело. Утюжили окопы с фашистами, закидывали их гранатами, расстреливали из пушек и автоматов.

И враг побежал, хотя каждый пройденный километр на Запад давался советским солдатам нелегко. В боях теряли технику, боевых друзей. А когда замкнулось кольцо под Сталинградом, фашисты и вовсе озверели. На выручку своим они бросили свежие силы со стороны города Колоча. Пришлось временно перейти к обороне, чтобы разгромить танковые части врага. Разорвать кольцо фашистам не удалось, а наши войска пошли дальше на Запад.

- Особенно запомнилась операция по освобождению города Котельникова, - говорит Николай Семёнович, - наш полк взял его с ходу. За это и присвоено ему звание Котельниковский.

Наступившая весна замедлила наступление. Отставали тылы. Появились перебои в снабжении горючим, боеприпасами. Да и у немцев появились новые танки "Тигры", "Пантеры" и самоходные установки "Фердинанд".

Вплотную сойтись с ними пришлось под Прохоровкой на Орловско-Курской дуге.

- Вот где действительно было жарко и страшно, - говорит бывший танкист, - пехоты почти не видать. С обеих сторон сошлись боевые машины. Гул, взрывы снарядов, полыхающие огнём неубранные поля с хлебами и подсолнечником и тучи из порохового дыма.

-Горели танки, врукопашную сходились танкисты. Мы захватили совхоз "Ударник", станцию Чемодановка, деревню Батьки. А дальше продвинуться не смогли. Нужна была разведка боем.

- Вот что, ребята, необходимо выявить огневые точки противника, - поставило перед нами задачу командование. – Вашему взводу необходимо развернуться фронтом, на скорости пройти участок в три километра и, конечно же, вернуться.

Приказ был выполнен. Но экипаж лейтенанта Филиппенко при этом сгорел. Несмотря на яростное сопротивление, фашисты под Прохоровкой не выдержали и побежали. Большую помощь нашим наземным войскам оказала авиация, господствующая в то время в воздухе.

А дальше танковый корпус был повёрнут на Прибалтику, где

засела Курляндская группировка фашистов. Запомнились бои под городами Шауляй, Лиепая, Кенигсбергом. Пять раз горел в танках механик-водитель Н.С. Амелин. Но, как поётся в известной фронтовой песне "Горел, горел, да не сгорел ...". О прошлом теперь напоминают награды. Орден Отечественной войны второй степени, многочисленные медали. О своём боевом пути Николай Семёнович часто рассказывает молодёжи, выступая на школьных вечерах, куда его приглашают как ветерана войны.

Да и о трудовой деятельности есть что вспомнить. Много лет работал Николай Семёнович на Ступинском металлургическом комбинате.

1995 г.

На снимке Н.С. Амелин

От Каширы до Берлина

Война вплотную приблизилась к древней Кашире. Немецкие танки Гудериана громыхали под деревней Пятницей. На помощь городу спешно направились конники генерала Белова. В ступинских лесах зашевелилось всякого рода отродье – шпионы, диверсанты, дезертиры. В Кашире срочно создавались отряды ополченцев, истребительный батальон. В него-то и вошёл семнадцатилетний Юрий Колосов, недавний ученик средней школы.

- Назначили меня тогда помощником командира взвода, - вспоминает Юрий Владимирович, - приходилось охранять железнодорожный мост через реку Оку, гоняться за дезертирами, пресекать паникёрство. Дел хватало.

А когда конники Белова отогнали врага от Каширы, смекалистого и расторопного парня направили учиться в пятую Московскую артиллерийскую спецшколу. Оттуда он попал в далёкий сибирский город Ишим, а затем в Томское артиллерийское училище.

А война всё дальше откатывалась на запад. Упорные бои с фашистами шли уже в Польше.

- Так и пороха не понюхаем, - горевали курсанты, - разобьют фашистов без нас.

- Навоюетесь и вы, - успокаивали офицеры-преподаватели, - враг ещё силён.

И слова их оказались вещими. С лихвой испытал Юрий Владимирович военной судьбы. После учёбы попал он на Первый Белорусский фронт в девятую гаубичную артиллерийскую бригаду.

- В ней действовал специальный четвёртый артиллерийский корпус прорыва Верховного Главнокомандующего, - рассказывает Ю.В. Колосов, - он всегда был впереди, на самых трудных участках. Укомплектован корпус был пушками самых разных калибров от 76 до 203 мм. Действовать начал ещё на Курской дуге. И его очень боялись немцы.

Да и было от чего. Запомнились ветерану войны бои под городом Лодзь. Немцы там создали сильную оборону, думали остановить наступление советских войск. Не вышло. Весь передний край врага был обработан залпами "Катюш", мощной артиллерией. Землю в буквальном смысле перепахали снарядами. В прорыв рванулись танки, пехота. И фашисты дрогнули, побежали.

- А потом нашу бригаду перебросили под Кенигсберг, -

вспоминает Юрий Владимирович, - там нелегко нам пришлось. Помнится, наше командование приказало взять высоту 42,5. Вместе с пехотинцами пошёл в атаку и я со своими связистами. Немцы подпустили нас до 300 метров, а потом открыли ураганный огонь из миномётов, пулемётов, автоматов. Рядом со мной был убит лейтенант пехоты.

Да, многих боевых друзей приходилось терять. Из той схватки вернулись всего 15 человек. В атаку шли 120. А была это всего разведка боем.

Кенигсберг пал. Впереди ожидали упорные бои на Зееловских высотах. И здесь корпус прорыва сыграл свою роль. Врага с высот вышибли, но когда их заняли, фашисты обрушили массированный бомбовый удар. Их самолёты шли волнами. Но вернуть Зееловские высоты им не удалось.

Отсюда артиллеристы устремились на Берлин.

- Помню, в одном местечке вышла молодая немка с двумя мальчиками и на довольно сносном русском языке говорит мне:

- Вы пришли убивать нас. Бейте, мы готовы к смерти.

- Мы с детьми и женщинами не воюем, - отвечаю, - к тому же не мы первыми напали на вас.

Но были и другие встречи. Однажды заметили, как в один из домов юркнул рослый немец. Решили проверить. Зашли. Встретил здоровенный детина в простой одежде. А по выправке видно – военный. Спрашиваю, откуда явился. Молчит. Допрос ничего не дал. Один из моих товарищей показал фотографию на стенке. Стоит тот же молодец в эсэсовском мундире полковника. Пришлось расстрелять.

В другой раз идём через поле в разведку. Вместе с нами был казах. Он-то и заметил, что в скирде соломы кто-то шевелится. Ударили из автомата. Оттуда выскочили 25 немцев. Сложили оружие. Пленных привели в свою часть.

- Да разве всё перескажешь, - взгрустнул Юрий Владимирович, - такое повидали, что не дай Бог повториться.

В одном месте в Берлине под укрытием стены находился комбат и группа связистов. Я зашёл только на минуту, доложил об обстановке. И только вышел, как стена с грохотом обвалилась.

В день Победы расписался Ю.В. Колосов на стене Рейхстага, попробовал пива из его подвалов, а в 1946 году вернулся домой, имея на груди четыре ордена и одиннадцать медалей за боевые заслуги. Через год поступил учиться в Ступинский металлургический техникум. В 1951 году с дипломом пришёл работать на комбинат. И закружила

его трудовая деятельность в нашем большом коллективе. Работал мастером, начальником ПДБ, начальником 64 цеха, заместителем председателя профкома комбината, заместителем начальника штаба гражданской обороны. Избирался депутатом местного Совета.

Многие ступинцы знают его как члена городского Совета ветеранов войны, труда и Вооружённых Сил. Обращаются за помощью. И получают её. Неутомим и энергичен этот человек, к сказанному следует добавить, что Юрий Владимирович увлекается шахматами, пишет стихи. Вот один из них.

На снимке Ю. В. Колосов
1995 г.

Юрий Владимирович Колосов,
участник Великой Отечественной войны

Поклон прими мой,
земля Подмосковная!

Здравствуй, родная земля
Подмосковная,
Вновь я пришел поклонится тебе.
Здесь начиналась дорога нелегкая
К той незабвенной победной весне.

Видятся мне те поля белоснежные,
Всполохи взрывов, воронки, рой пуль.
Видятся танки с крестами подбитые,
Слышится явно сражения гул.

Помнятся мне здесь окопы морозные,

Памятны лица друзей фронтовых -
Лица уставшие, лица суровые,
Лица погибших и лица живых.

В ближайших деревнях гуляли
пожары.
Тревожно, печально. Всюду беда.
И было обидно, как Русь разоряли,
Месть наполняла отвагой сердца.

Мы клятву сдержали, Москву
отстояли
В сорок первом кровавом году.
И здесь, в Подмосковье, о мире
мечтали,
Смерти желали за подлость врагу.

Больше полвека умчалось в историю
С нашей земли, где гуляла война.
Очень я верю в память народную -
Как " Барбаросс" развенчала Москва.

Поклон прими мой, земля Подмосковная,
Вновь я с тобой, моя Родина- мать.
Скрой, я прошу тебя, кости солдатские,
Что до сих пор еще сверху лежат.

Простите нас, братья, простите,
родные,
Прости нас за все,
Неизвестный солдат,
Вы жизни свои за победу отдали,
И память о вас века сохранят.

Славься, Отечество наше Российское,
Крепкою верой во веки веков!
Славься, Отечество наше великое,
Мы одолеем всех пришлых врагов!

Разговор с Геббельсом

Бои гремели в Берлине. Напортив дома, где располагался штаб полка 301 Сталинской стрелковой дивизии пятой ударной армии Советских войск, находилось обширное мрачное здание гитлеровского гестапо. Оттуда 29 апреля с белым флагом в руках пришли два парламентера к командующему армией генералу Берзарину. Он выслушал их и принял решение переговорить с одним из высших чинов фашистов Геббельсом о их капитуляции. В логово врага был направлен старший сержант Прохоров с телефонным проводом и аппаратом. Установил он его в пустой комнате бункера.

- И разговор тот состоялся, - вспоминает теперь ветеран В. И. Рубцов, - мне как командиру роты связи пришлось присутствовать при этом, обеспечивая надежную связь.

Обращаясь к Геббельсу, генерал Берзарин, позже комендант Берлина, сказал:

- Сопротивление бесполезно. Предлагаю вам отдать приказ о капитуляции берлинской группировки войск и сложить оружие до 29 апреля. Хватит проливать кровь.

- Я уполномочен командовать войсками, а не вести переговоры о капитуляции, - ответил Геббельс.

30 апреля начался штурм здания гестапо. И уже в 10 часов утра из бункера стали выводить пленных фашистов с черными повязками на рукавах кителей. До рейхстага оставалось 400 метров. Последних из долгих и трудных верст военных лет.

Отчетливо, по дням и часам помнит свой ратный путь Владимир Иванович Рубцов, хотя и разменял он давно восьмой десяток. Родился и вырос в городе Карачаеве Брянской области. Здесь окончил школу, ФЗУ, получил специальность токаря. Работал на одном из заводов, да так, что вскоре заговорили о нем как о стахановце. С головой окунулся в комсомольскую жизнь. Времени и энергии хватало на все. Большая и светлая дорога простиралась пред ним. И уже тогда бывший бригадир слесарей П. Т. Свиридов, отмечая целеустремленность и упорство парня, предрекал:

- Быть тебе, Владимир начальником цеха.

Не скоро, но слова его сбылись. А до этого был долгий путь войны. В 1940 году призвали В. И. Рубцова в ряды Красной Армии. Как лучшего стрелка направили в Киевскую снайперскую школу. В январе 1941 года стали готовить пулеметчиков. По тревоге вместе с товарищами

Владимир Иванович попал во Львов. Здесь и произошла его первая схватка с фашистами. Пулемет Дягтерева безотказно действовал в его руках. Но силы оказались не равными. Пришлось отступать к Киеву, с горечью теряя друзей, оставляя города и села ненавистному врагу. Участвовал в обороне Киева. После его сдачи участвовал в боях под Харьковом, где в сентябре получил ранение. Лечился в госпитале. А потом после выздоровления был направлен в Армавир. И снова бой. Под железнодорожной станцией Яма юго-западного направления контуженого его подобрали санитары. И снова больничная койка. Вернулся опять в Армавир. Оттуда командование направило Владимира Ивановича учиться на начальника радиостанции. Окончил курсы, военное училище в городе Грозном.

- Тогда я там никаких врагов не видел, - вспоминает теперь Владимир Иванович, - не пойму, отчего вдруг теперь чеченцы стали для нас такими.

После окончания училища служил в 301 Сталинской стрелковой дивизии пятой ударной армии Первого Белорусского фронта. Здесь он обеспечивал с товарищами четкую радиосвязь с батальонами и командирами. А бои шли упорные и жестокие. Откатываясь на запад, фашисты цеплялись за каждый населенный пункт, за каждую удобную позицию. Запомнились бои на Варшавском направлении. 13 января 1945 года наши войска прорвали оборону на реке Висла, а 17 января освободили многострадальную польскую столицу. Жуткую картину представляла она тогда. Фашисты, отступая, до основания разрушили прекрасный город.

И вновь бои. Теперь уже на Одерском плацдарме. До Берлина был 61 км, фашисты предпринимали беспрерывные контратаки. Один из батальонов оказался в окружении. По решению командования было дано задание установить связь. В два часа ночи В.И.Рубцов с двумя радистами переправился по наведенной переправе и прошел немецкие порядки в предполагаемый район расположения батальона. После этого с нашей стороны началась артподготовка. Немцы отступили, и батальоны соединились. За эту опасную операцию все трое были награждены Орденами Отечественной войны 2 степени.

Пятая ударная армия, как всегда, была впереди. 14 апреля ее перебросили под город Кюстерн. Отсюда она и устремилась на вражескую столицу. Фашисты никак не ожидали удара с той стороны, считая армию Берзарина на другом направлении. Однако сопротивлялись упорно.

- Помнится, недалеко от реки Шпрея на наш, вырвавшийся вперед полк пехотинцев, немцы пустили танковую колонну, - рассказывает В.И.Рубцов, - положение создалось критическое. Пехоте надо было срочно зарываться в окопы. Но поддерживающий нас командир заверил командование, что остановит врага. Поверить в то было трудно. Танки мчались на больших скоростях. И до пехоты осталось не более 800 метров. Но полковник сдержал слово. Точным ударом из "Катюш" он накрыл танковую лавину. Около двадцати машин сгорело на месте, остальные повернули назад. Второго мая берлинская группировка полностью капитулировала.

Торжественно отмечен день Победы. Но для В.И.Рубцова служба в армии затянулась еще на два года. После демобилизации вновь вернулся на свой родной завод. Работал токарем. Но начальник производства, бывший генерал, Герой Советского Союза Жигало, отмечая сметку новичка, быстро выдвинул его начальником цеха.

- Сбылись мои слова, - отметил при этом Петр Тихонович Свиридов.

Два года работал Владимир Иванович в этой должности. Потом, в связи событиями в Корее, его снова призвали в ряды Красной Армии, как специалиста по радиосвязи. Потом служил в Рязани, Ступине. В 1957 году после ухода в запас оформился электромонтером в 58 цех. Бывший директор СМК А.И. Назаров как-то узнав, что специальность у Владимира Ивановича совсем другая и редкая, утвердил его начальником связи комбината.

Рабочий день Владимира Ивановича насыщен до предела. Каждая минута на учете. Хозяйство сложное. А тут еще забот прибавляют городские власти. И хотя за плечами солидный возраст, о прожитых годах вспоминать некогда. И болезни в хлопотах отступают. Не до них. Как прежде на боевом посту ветеран войны и комбината.

1995 г.

На снимке В.И. Рубцов.

За Родину на штурмовике

Война бушевала во всю. Озлобленные за поражение под Москвой и Сталинградом, фашисты решили взять реванш на Орловско-Курском направлении. Командование Советских войск разгадало их замыслы. С обеих сторон началась деятельная подготовка к величайшей битве. В нее противниками было вовлечено более четырех миллионов человек, свыше 69 тысяч орудий и минометов, более 13 тысяч танков и самоходных установок, около 12 тысяч боевых самолетов.

Вот здесь - то и пришлось вступать в схватку с ненавистными врагами летчику - штурмовику О.В.Лазареву.

- Не повезло мне в первом боевом вылете, - вспоминает Олег Васильевич, - сводную группу из двух четверок вел штурман полка старший лейтенант Кисилев. Перед нами была поставлена задача нанести бомбоштурмовой удар по технике противника, двигавшейся по дорогам в направлении Орла в районе населенного пункта Домнино. У всех одно стремление - скорее встретится с врагом. Но мой самолет техники подготовили плохо. Еще при взлете с посадочной полосы у машины оторвался и поднялся дюралевый лист прикрывающий верхнюю часть капота мотора. При движении лист все больше отклонялся назад, закрывая входное сопло направляющего канала подвода воздуха для охлаждения водомаслорадиатора. Вода в радиаторе закипела. Мотор начал перегреваться. Стала теряться его мощность. И я отстал от группы, где замыкал строй.

К этой неприятности прибавилась вторая: чувствую очень тугое управление ручкой пилотирования. Для полета вне строя, одиночно, это еще можно терпеть, но для строя - мука.

И все – таки, несмотря ни на что, О.В.Лазарев не свернул с курса, не повернул назад. К счастью дюралевый лист оторвался, что облегчило дальнейший полет. Нагнав остальную группу штурмовиков, которая уже утюжила врага бомбами и пулеметным огнем, Олег Васильевич тоже перешел в атаку.

В азарте забыл об опасности. Да и опыта не хватало в боях с коварным врагом. А беда уже подстерегала его. Дело в том, что при подходе к месту боевого соприкосновения войск фашисты подняли истребители Фокке - Вульф 190. Да и зенитки врага открыли ураганный огонь. И Лазарев допустил грубую ошибку. В горячке боя он забыл о противозенитном маневре, полетел догонять свою группу по прямой. И в это время снаряд ударил по самолету. В глазах засверкали искры,

а над штурмовиком зависла 100 кг бомба, не сброшенная на врага и сорванная ударом снаряда, разорвавшегося в бомболюке. Но самолет еще слушался руля. И бой продолжался. Сбросив весь запас бомб, О.В.Лазарев начал бить по врагу из пулемета и пушек по скопившимся автомашинам. При выходе из пикетирования слышит голос стрелка Федора Шатилова:

- Маневрируй, маневрируй, истребитель заходит!

Раздается короткая очередь его пулемета. И тут же вокруг самолета вспыхнули летящие сзади трассы эрликонов, сопровождаемые сильными резкими звуками стрекота металла по металлу. Резко обрезан мотор. Тяжелая машина устремилась к земле. Собрав всю силу воли, Олег Васильевич удерживает самолет в горизонтальном положении, сажает его на землю. Вспаханное поле, заросшее бурьяном, и воздушная подушка, образованная при посадке машины с землей смягчили удар. Приземлились на своей территории.. Самолет хоть и крепко потрепан , но цел и при необходимом ремонте должен вернуться в строй. Это сразу отметил Олег Васильевич, спрыгнув на землю. Окликнул стрелка. Федор не подавал признаков жизни. Проезжающие на полуторке пехотинцы помогли вытащить его из кабины. Ноги его оказались в крови. В голени зияла огромная дыра.

- Чтобы узнать жив ли он, влей ему в рот спирту, - предложил один из пехотинцев и отстегнул фляжку.

Спирт помог. Стрелка пехотинцы забрали с собой в госпиталь. А Лазарев остался около самолета. Не бросать же его. Хотя горючее, а это около 400 литров бензина вытекло на землю. Дважды сообщал Лазарев летчикам, летавших на У - 2 сообщить о нем в полк, дислоцирующийся на аэродроме в Райских Выселках, что в 15 километрах от Плавска Тульской области, но оттуда никто не прилетал. Так прошла неделя.

Много передумал и перечувствовал за это время Олег Васильевич. Вспомнил долгие месяцы учебы на пилота в аэроклубе Ленинградского района Москвы. Первые робкие полеты на У-2. И не думал стать летчиком. Учился - то в электротехническом техникуме имени Красина. Был активистом. Возглавлял курсовой совет Осавиахима. Но о полетах не мечтал, хотя и заглядывался на летчиков, на самолеты, пролетавшие в небе. Но судьба распорядилась иначе. Да и конструктор Любашкин не отступал от парня, постепенно вовлекая его в летную стихию.

Потом была учеба в военно-авиационной школе пилотов. Запомнилась учеба в Олсуфьевской и Балашовской авиашколах, где осваивали полеты на самолетах типа СБ - Бомбардировщики, У - 2 и Р

- 5. В то время эти машины находились на вооружении Красной Армии и считались не плохими.

Вспоминалась и родная Кашира, река Ока с ее золотистыми пляжами, где прошло босоногое детство Олега Васильевича. Река приучила его к труду. Семья жила трудно. Мама рано умерла, а мачеха недолюбливала мальчика, попрекала куском хлеба. И Олег, как и многие его сверстники, будучи подростком, стал перевозить на лодке с одного берега на другой многих клиентов, подрабатывая, таким образом, не только на хлеб, но и на одежду себе и сестренке.

Тягучие мысли цеплялись одна за другой. А время шло. Однажды Олег Васильевич заметил, что у недальнего леска на речке Зуша взлетают самолеты У - 2.

- Уж не аэродром ли там? - вспыхнула обнадеживающая мысль.

Так оно и оказалось. Но пилоты, хотя и приняли Лазарева тепло, не помогли. Пришлось добираться до родного аэродрома на машинах. Хорошо, что самолет удалось сдать под охрану командиру погранпоста.

В Райских Выселках его уже никто не ждал. Считали погибшим. Да и боевые самолеты перелетели на новый аэродром под Чернью, вблизи станции Выползово. Осталась только поврежденная техника. Первая встретила Лазарева техник Валя Лалетина и спросила:

- А Федя где, убит? И залилась слезами.

В полку все знали об их любви.

- Жив твой Федя. Вернется. Его ранило, - успокоил летчик девушку.

Командир полка Хромов тепло встретил Лазарева.

- Вернулся. Жив. Вот и хорошо - сказал он, - а фашистов мы еще будем бить. Не даром говорится, за одного битого двух не битых дают. А ты у нас прошел испытание огнем.

Эти слова приободрили , вселили уверенность.

- Так точно, - четко ответил он тогда командиру полка, - буду бить фашистов, не щадя сил и самой жизни.

И слово свое сдержал. Сколько их было стычек с врагом, стремительных, коротких и длинных и не перечесть. Запомнились некоторые. Однажды О.В.Лазарева вызвал к себе недавно прибывший в эскадрилью полковник И.И.Пстыго.

Необходимо выполнить срочный и ответственный приказ, - произвести разведку над Витебском, - поставил задачу Иван Иванович, - высшее командование интересуется сосредоточением войск врага в этом районе. Кого возьмете в напарники? Выбирай себе любого из полка.

- Конечно же, Сашу Пятикопа, - не задумываясь, ответил Лазарев.

Погода оказалась нелетной. Шел обильный снегопад. Но приказ есть приказ. К Витебску подлетели на бреющем полете. Город оказался пустым. Зато на станции Оболь все пути забиты составами. Вокруг них сплошь солдаты. Самолеты пошли на них в атаку. Посыпались реактивные снаряды (РС), бомбы. Настала очередь пулеметов. После по данным партизан в том бою было истреблено более 300 гитлеровцев, сожгли и разбомбили более 20 вагонов, цистерн, вокзал, два склада с имуществом и продовольствием. Почти на сутки задержалась отправка дивизии, перебрасываемая на нарвский участок Ленинградского фронта. И это кроме разгрома обоза, где тоже полегло не мало фашистов. А главное добыты и отправлены высшему командованию, интересующие их сведения.

А раньше в Брянске произошла встреча Лазарева с Федей Шатиловым.

- После освобождения Брянска нашими войсками, решил я посмотреть, как выглядит он теперь, - вспоминает Олег Васильевич, - идем с другом по улице. Вдруг впереди видим солдата. Что - то мне в нем показалось знакомым. Подхожу ближе. Солдат обернулся - Федя, - узнаю его, жив? Где ты теперь?

- Да вот стрелком пехотинцем направили после выздоровления.

- Ну какой ты пехотинец, когда со мной летал. Пойдем к командиру.

Ротный, где числился Шатилов, узнав в чем дело, без лишних слов сказал:

- Забирай свои вещи и отправляйся служить к летчикам.

Так Федор Шатилов снова стал летать с О.В.Лазаревым стрелком. И прослужил с ним до конца войны, вот только с Валей Лалетиной, счастья не получилось. Она погибла, подорвавшись на мине.

Фашисты боялись штурмовиков, называя эти самолеты летающими танками. И особенно охотились за ними, сбивая тех, кто летел в одиночестве. Много пропало летчиков, начинавших свои первые полеты с О.В.Лазаревым под Орлом. К концу войны из ветеранов он в полку остался один. И не потому что отсиживался на аэродромах. Наоборот, его самолет всегда был на передовой, в боях. Не раз возвращался он

пробитым снарядами и эрликонами (более восьмидесяти), но всегда живой. Техники латали машину по целым ночам, возвращали ее в строй.

Как зазубрены в сердце, остались в памяти на всю жизнь аэродромы, где на каждом из них осталась частица души Олега Васильевича на его ратном пути. В их числе - аэродромы в Туле, Ивлеве под Богородском - где летчикам - сержантам присвоили офицерские звания, Райские Выселки под Плавском, Выползово - Чернью, где О.В.Лазарев принят кандидатом в члены КПСС, аэродром Болотово под городом Карачаев, Выгоничи - зона активного действия партизан, Кочегарово - последняя точка пребывания полковника Хромова в полку, на смену которого прибыл И.И.Пстыга, Колпачки, Зайцево, находящегося в 50 км от города Великие Луки, аэродром Сухой Остров, где полк был награжден орденом Красного Знамени и ему присвоено звание - 893 Витебский Краснознаменный штурмовой авиационный полк. Потом был аэродром Пацуны под Каунасом, Квартеры, вблизи Коаля, Накло находящегося не далеко от города Ченетохово в Польше и последний Штубецдорф Никель. С этих и других аэродромов Олег Васильевич сделал более ста боевых вылетов, налетав в общей сложности 3500 летных часов. О его ратном пути напоминают многочисленные ордена и медали. Среди них два ордена Красной Звезды, два Ордена Красного знамени и три ордена Отечественной войны первой и второй степени. В своем полку О.В.Лазарев встретил свою любовь Полину Владимировну, которая служила здесь же техником. Вдвоем они вырастили двух дочерей, старшая из них Ольга трагически погибла, в возрасте 34 лет недалеко от Подольска, где после войны обосновалась семья Лазаревых.

Но армия еще долго не выпускала из своих крепких объятий Олега Васильевича. В чине полковника закончил он военною академию. Летал на самолетах новейших конструкций ИЛ- 120, Миг - 15. Обучал вождению на них молодых курсантов летного дела. Командовал полком. В любую погоду днем и ночью поднимался он на новейших самолетах ЯК - 27, ЯК - 25, а всего на семнадцати типах самолетов.

Олег Васильевич не представлял своей жизни без самолетов. Но подвело здоровье. В воздухе перенес инфаркт. Поправил здоровье в госпитале, но вернуться к любимому делу не пришлось. Врачи категорически запретили летать . Потом был мирный труд - в Домодедовском аэропорту, потом в аэроклубе под Плавском и ряде других мест. Организовывались встречи ветеранов полка в Витебске, куда приезжал маршал авиации И.И. Пстыго.

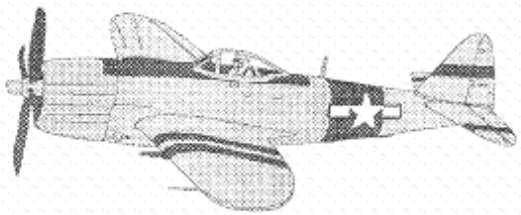
О.В.Лазарев неоднократно выступал перед учащимися школ города

Каширы и Подольска и обоих районов и рассказывая им о героическом прошлом Советского народа. Об этом рассказывается подробно в его мемуарах, к сожалению не изданных отдельной книгой.

Годы не стоят на месте. Давно побелела голова у Олега Васильевича. Перенесенный инсульт сказался на парализации руки и ноги. Походка замедлилась. Но бывшая военная выправка сказывается и теперь. Молодо сверкают его голубые глаза, когда в воспоминаниях переносится он в свое боевое прошлое. Осуждает тех , кто стремиться теперь очернить нашу Великую Победу над фашистской чумой. Уж кто-кто, а он с лихвой испытал все невзгоды минувшей войны, знает цену мирного труда. Именно таким воинам благодарны потомки советских людей. На боевом штурмовике О.В.Лазарев с честью сражался м отстоял вместе с другими независимость нашей РОДИНЫ.

1998 г.

На снимке О.В.Лазарев



Опаленный огнем

Начало Великой Отечественной войны Анатолий Данилович Верещагин встретил на футбольном поле. Жил он тогда в Барнауле. Упорно занимался спортом. Пробовал силы в футболе, хоккее, а как лыжник имел второй разряд. В тот роковой день в их город на соревнования прибыла команда футболистов из Алма-Аты. Но матч так и не состоялся. Из рупора громкоговорителя, установленного на стадионе пришло горькое сообщение о нападении на Советский Союз гитлеровской Германии.

Куда делось праздничное настроение людей. Вмиг посуровели лица, сузились глаза. Многие понимали, что война будет беспощадной и долгой. Такой же настрой был и в рабочем коллективе Барнаульского вагонно-ремонтного завода, где Анатолий, вчерашний выпускник фабрично - заводского училища (ФЗУ) трудился электриком. Суровый, но душевный бригадир Гуделин - первый наставник ребят, выступая перед сменой, коротко сказал:

- Все ребята. Шутки в сторону. Теперь начнется массовая мобилизация мужчин на фронт. А за них мы здесь оставшиеся пока, должны трудиться за двоих. Да так, чтобы не стыдно было смотреть людям в глаза.

- И его все горячо поддержали. Первым из большой семьи Верещагиных ушел на фронт старший брат Федор. Он стал зенитчиком. И в последствии, будучи на боевых позициях его путь неоднократно пересекался с ратным путем Анатолия. Дважды они встречались, что в условиях войны такого масштаба крайняя редкость.

Еще не высохли слезы матери и сестры от проводов в Армию Федора , а в ноябре 1941 года пришла повестка и Анатолию.

- Вот и кончилась твоя юность, сынок, - всплакнула Анна Федоровна, - отец - то, вот, не дожил до этой поры. Приходится мне одной все переносить.

Да , отца своего, Данила Федоровича, Анатолий не помнит. Родился он в 1923 году, а ровно через год не стало и отца. Но тяжкое бремя коснулось не только семьи Верещагиных. У многих ушли на фронт мужья, братья , сыны. И горели люди одним желанием - скорее разгромить ненавистного врага, вернуться к мирной жизни. Для Анатолия Даниловича армейская служба растянулась на долги годы.

В декабре 1941 года в Томске он по ускоренной программе обучался в Белоцерковном пехотном училище, где освоил станковый пулемет. В

чине младшего лейтенанта вошел во вновь сформированную Сибирскую стрелковую дивизию, которую перебросили в июне 1942 года в Апрелевку под Москвой. А дальше ратный путь на Западном фронте. Многое запомнилось Анатолию Даниловичу о нем. Да и как забыть, когда полученные в боях раны , напоминают и теперь , спустя многие годы. А опален он огнем трижды, и все время приходилось лечиться в госпиталях в глубоких тылах.

- Помню под Торжком командир 1128 стрелкового полка поручил доставить пополнение. Поехали мы за молодыми бойцами. И дали нам 50 человек киргизов, туркменов, казахов. По-русски они понимали плохо. Держались своего клана. И очень любили чай. Однажды развели костры, повесили котелки, а тут, как назло, появилась немецкая рама - самолет -разведчик. Поняли мы быть беде. Бросились гасить костры, да не успели. Вскоре из - за облаков вынырнули 37 "Мессершмитов" и давай утюжить нашу позицию бомбами и пулеметным огнем. Я с капитаном артиллеристом укрылся в каком - то сараюшке. Но от взрывов бомб рухнула крыша, балки. Меня каким - то чудом выкинуло взрывной волной через проем в воронку, а капитана убило. А ведь мы при знакомстве с ним только и успели закурить. Меня сильно контузило, трое суток я ничего не слышал, а потом - ничего, отпустило. Из полка никуда не уходил.

Хоть и с трудом, но врага теснили на запад. Фашисты яростно сопротивлялись, шли в психические атаки. В боях под Сычевкой А.Д . Верещагина ранило.Лечился в полковом госпитале города Выкса Горьковской области. Здоровье поправили опытные врачи и снова на передовую. Направлен был в пехотный полк 153 отдельной стрелковой бригады. Под Ржевом прорвали оборону фашистов. Шли на Смоленск. Немцы, отступая, сжигали населенные пункты. Передвигаться вслед за ними приходилось, в основном пешком, таща пулемет, который весил 60 кг. Тащили его волоком на специально сделанных волокушках.

Все тяготы пришлось испытать до дна. Шли немытыми по 3-4 месяца, нередко голодными.

- Помню вошли в одну деревню. Она каким - то чудом не была сожжена. Спрашиваем у деда, где бы помыться. А он говорит у нас бань нет - моемся в печках.

За один день построили мы там добротную баню, попарились от души, а баню оставили селянам на память.

И снова бои, бои. В одном из них, при освобождении деревни, где родился Ю.А.Гагарин - первый космонавт в мире, ранило Анатолия Даниловича осколком в грудную клетку. Рана оказалась серьезной,

опасной для жизни. Долго пришлось лечиться в госпитале за № 1871. И снова встал солдат в строй. Теперь уже шли бои за Витебск, что в Белоруссии. Верещагин стал командиром пулеметного взвода в одной из танковых бригад. Вот здесь - то и произошла первая встреча Анатолия Даниловича с братом Федором Даниловичем - зенитчиком. Они переписывались. И оказалось, что старший брат воевал недалеко от его части. Трогательной и радостной была та встреча, но не долгой. Расстались через пару часов. Война требовала свое. Бои гремели по всему фронту. За взятие села Бакушевская Витебской области Анатолий Данилович удостоен Ордена Красной Звезды, а за взятие Кенигсберга - Ордена Отечественной войны второй степени, потом Ордена Отечественной войны первой степени. А всего на груди Верещагина шестнадцать медалей, кроме орденов. И о каждой из них можно рассказывать много захватывающего, потому - что за ними стоят кровопролитные бои, мужество и отвага Советского воина.

Армия еще, долго не выпускала из своих объятий А.Д.Верещагина. После войны до 1947 года он служил командиром взвода разведки в городе Каунасе бывшей, Литовской ССР. Отношение к нашей армии у некоторой части населения Литвы было более чем прохладное, а порой и открыто враждебное. Приходилось, как говорится, ухо держать востро. От "лесных братьев" литовцев гибли наши солдаты. Против них проводились военные операции.

После распоряжения командования военного округа был направлен в военкомат Шатурского района Подмосковья. С 1947 по 1958 год находился в запасе. А потом по распределению военного округа был направлен в Каширу начальником второго отдела. Многие призывники - каширяне помнят этого беспокойного седовласого, с голубыми глазами человека. Ведь именно он занимался призывом молодежи в армию, отправкой ее в часть. Дело это довольно хлопотное. Каждому известно, какими у нас бывают проводы. Обычно и вино льется рекой, слышны всхлипывания при разлуке с родным человеком и разудалые песни под гармонь. Отправляли молодежь по железной дороге. И со всей этой буйной ватагой надо было находить общий язык. Анатолий Данилович умел улаживать самые конфликтные ситуации. Не даром он прослужил начальником второго отдела нашего военкомата восемнадцать лет. За это время в вечерней школе окончил десять классов. Раньше - то у него была семилетка. Не до учебы было.

После ухода на пенсию в чине подполковника, пятнадцать лет работал военруком в школе №32 и десять в Руновской школе.

Естественно был коммунистом. В партию вступил в грозные годы войны. Вместе женой Тамарой Александровной вырастил сына Юрия. Он пошел по стопам отца. Отслужил в армии 22 года. Теперь капитан запаса семья его живет в Подольске. У Верещагина два внука - Борис и Анатолий и любимец общий - правнук Алеша.

- Как вы относитесь к переменам в Армии в нынешние дни? - интересуюсь у Анатолия Даниловича.

- Отрицательно, - коротко, по - военному отвечает он, - мало того, что так называемые реформаторы оплевали наше завоевание в боях с фашисткой Германией, так они еще сумели практически парализовать и разложить войска. Армию, бывшую одной из сильнейших в мире. Об этом нельзя думать без огорчения в душе. Но думаю все это временное. Не может так продолжаться. Русские люди не позволят поставить себя на колени. И пусть никто не тешит себя такой мыслью.

- Бываете ли вы на Родине?

- Да бываю. Там жив еще брат Федор. Ему уже 84 года. Жива и сестра Мария. Есть племянники. При встречах вспоминаем о многом пережитом, заглядываем в будущее.

- Ну и каким же оно Вам видится?

- Россия встанет с колен. И будет еще могущественней. Народы Европы понимают это, а потому и считаются с нами.

1998 г.

На снимке А.Д. Верещагин

Пламень сердца воплощался в моторы

В воздухе тихо кружатся невесомые оранжевые листья берез и, опускаясь на землю вместе с опавшей хвоёй от могучих сосен, надежно укрывают ее от предстоящих холодов. Осень любимая пора для Василия Георгиевича Субботина - заядлого грибника. Вряд ли найдется такое место в Каширском и соседнем Ступинском районе, где бы он ни занимался тихой охотой - сбором грибов. Вот и теперь неслышно шагает по мягкой лесной подстилке с палочкой в руке, зорко присматривается к приподнятой листве, под которой зачастую прячутся грибы лучших сортов - белые, поддубники, маслята, подберезники и другие. Лесной воздух не только бодрит, но и пьянит, настоянный на пряных запахах отмирающей травы и листвы. Сквозь кроны деревьев ласково льются теплые лучи солнца. Тихо вокруг и как - то торжественно. В такие минуты хорошо думается, вспоминается прошлое. А Василию Георгиевичу есть, что вспомнить.

После окончания девяти классов встал вопрос: куда идти дальше? На семейном совете отец его Георгий Порфирьевич заявил категорически:

- Учись, Василий, дальше. Пока жив, помогу.

Выбор учебных заведений оказался большим. Вместе с другом Николаем Стерликовым поступил Василий в Авиационно - техническое училище в бывшем городе Молотов (ныне Пермь). Учились они в разных ротах, а в день начала Великой Отечественной войны, будучи вместе в увольнении сфотографировались в форме курсантов. Уж очень родным хотелось видеть их фотокарточки. А потом война раскидала друзей. Василий попал в 18 - штурмовой авиационный полк Военно-воздушных сил Черноморского флота, а Николай оказался в Прибалтике.

Своей неожиданностью и стремительностью война закрутила Субботина с первых же дней. Тем более, что их полк на протяжении 250 дней защищал город - герой - Севастополь. Две эскадрильи самолетов находились в самом городе, а третья - резервная в станице Крымской. Здесь -то и началась военная служба Василия Георгиевича.

- Мы тогда все рвались в бой. Стремились попасть на передовую, чтобы лицом к лицу сражаться с фашистами. Но наш командир полка Герой Советского Союза Губрик охладил наш пыл:

- Восемнадцатилетним в Севастополе делать нечего, - заявил он, - проявите свои способности здесь. Победа и на земле куется.

Действительно, дел в станице хватало, потому что именно сюда поступало пополнение самолетов с заводов, порой с существенными дефектами. Устранять их приходилось механикам, с тем, чтобы боевые машины не подводили летчиков в полетах. Со временем и усталостью считаться не приходилось. Война требовала боеспособные машины, и Василий Георгиевич делал все возможное, были готовы к перелету в Севастополь. А механики, чтобы они не подводили пилотов, в первую очередь производили полный осмотр мотора, масла и бензосистем, воздушной системы, фюзеляжа, плоскостей.

Трудностей хватало. Однажды в руки механиков поступил с завода самолет с поврежденным водяным радиатором. Штурмовик с трудом долетел с заводского аэродрома до станицы Крымской. Уже беглый осмотр показал - дело серьезное. Чтобы снять с самолета водяной радиатор, необходимо разобрать почти половину самолета: снять верхнюю бронь, воздушный туннель, нижнюю броневую корзину, масляный радиатор и многое другое. На эти работы сначала ушло двое суток. Радиатор пропаяли специалисты заводской бригады. Все установили на место. Стали проверять. Как только температура воды поднялась до 110 градусов, радиатор снова потек.

-И пришлось нам тогда тринадцать раз снимать и снова ставить все оборудование, - вспоминает Василий Георгиевич.

Злополучный радиатор отвезли в Краснодар, где его пропаяли серебряным припоем. На его "лечение" было затрачено десять дней и ночей. Ни о каком отдыхе и речи быть не могло.

После первой неудачи монтировали только водяной и масляный радиаторы, причем масляный радиатор который крепился к нижней броневой корзине, ставили на бомбатару. В аэродромных мастерских не было возможности проверить качество пайки, поэтому приходилось каждый раз ставить радиатор на самолет и проверять его под давлением и температурой. И уже в то время механик Василий Субботин внес свое первое рационализаторское предложение по сокращению времени на проведение операций, за что получил поощрение в полку. А всего за три с половиной года войны он обслужил

569 безаварийных боевых вылетов.

Добрый показатель. За ним скрываются не только изматывающие тело и душу напряженные дни ремонта самолетов, но и неутомимый пламень сердца горевшего одним желанием - скорее вернуть боевые машины в строй. И этот пламень воплощался в моторы. Отремонтированные, проверенные они действовали безотказно. И высшей наградой для механика было похвальное слово летчиков, громивших врагов.

Вот краткие данные. Всего за годы войны летчики восемнадцатого штурмового авиационного полка ВВС Черноморского флота уничтожили: 43 транспорта, 2 подводные лодки, 13 сторожевых кораблей, 25 сторожевых катеров, 90 быстроходных десантных барж, 4 буксира, 20 понтонов, 86 железнодорожных вагонов, 106 танков, 72 бронемашины, 159 полевых и 273 зенитных орудий, 307 минометов, 2682 автомашины, 121 самолет, почти 37000 солдат и офицеров Вермахта.

Что и говорить цифры внушительные. За ними стоит не малый вклад тех, кто готовил наши штурмовики к боевым вылетам. Этим может с честью гордиться и Василий Георгиевич Субботин, как бывший механик добросовестно "лечивший" больные моторы. Неслучайно в их полку служило 12 Героев Советского Союза, при чем из семи дважды героев во всех военно-морских силах двое были командиры их полков-Н.В.Челноков и Н.С.Степанян.

После Севастопольской страды служба Василия Георгиевича продолжалась под Новороссийском. Он хорошо помнит события, происходившие на Малой земле, так красочно расписанных в мемуарах бывшего Генсека Л.И.Брежнева. Яростные бои шли под Мысхако. На одной из станций в горном перевале немцы прорубили туннель и оттуда выкатывали дальнобойное орудие, которое наносило большой урон нашим войскам. Летчики охотились за ним. А когда обнаружили - уничтожили.

В феврале 1943 года под Мысхако высадились при помощи катеров 18 армия. Катерами доставлялись на Малую землю продовольствие,

вода, оружие, боеприпасы. Обратно в тыл они вывозили раненых. Ожесточенные бои за Новороссийск шли не только на земле, но и в воздухе. 16 сентября 1943 года город был освобожден от гитлеровцев. Полк перелетел на аэродром в город Анапу, оттуда летали на боевые задания в Керчь, Феодоссию, Судак. И вновь Севастополь. Теперь - его освобождение. Немцы бежали из города в панике.

В мае 1944 года дивизия штурмовиков перелетела на Балтику.

- И вот там я встретил своего друга Николая Стерликова, - вспоминает Василий Георгиевич, - впоследствии он вернулся в Каширу, работал в райпрофсоже Смоленского отделения Московской железной дороги.

Но до этого еще были годы напряженных боев и изнурительного труда. Дивизия базировалась сначала в Ленинграде, потом в Новой Ладоге, освобождала Карельский перешеек. Потом с аэродрома Копорье штурмовики участвовали в освобождении Прибалтики. Последнее базирование дивизии курортный городок Паланга. Отсюда наносились удары по Курляндской группировке войск врага. Войну Василий Георгиевич закончил коммунистом. Остался на сверхсрочную службу. В 1945 году по рекомендации политотдела одиннадцатой Новороссийской штурмовой Краснознаменной дивизии Балтийского флота был послан на учебу в Ленинградское военно-политическое училище. После его окончания в 1948 году служил на Балтике, на Тихоокеанском флоте. Через четыре года учился в высшем военно-педагогическом институте в Ленинграде. Служил в порту Советская Гавань старшим инструктором политуправления седьмого Военно-Морского флота.

- Занимались мы тогда спецпропагандой, - говорит Субботин, - а в нее входит распространение листовок , радиопропаганда. Чтобы все это усвоить, пришлось учиться на специальных курсах в Москве, изучать английский язык.

В 1957 году снова служба в авиации Черноморского флота. Отсюда ушел в запас. Вернулся в Каширу. Почти десять лет работал пропагандистом и инструктором Каширского горкома КПСС, затем редактором газеты "Каширский энергетик" и в Каширском отделении железной дороги.

Биография В.Г.Субботна будет далеко не полной , если ничего не сказать об его общественной деятельности. Долгие годы он собирал материалы о Кашире и каширянах - участниках Великой Отечественной войны. Постоянно выступал в школах, в производственных коллективах с лекциями о международном положении, о Кашире и каширянах.

Принимал самое непосредственное участие в создании краеведческого музея. Вместе с женой Клавдией Георгиевной вырастил двух сыновей - Валерия и Сергея. У него трое внуков. С Клавдией Георгиевной познакомился в 1947 г. в Ленинграде. Во время войны она партизанила.

Годы не стоят на месте. Давно засеребрилась голова у Василия Георгиевича еще светлее стали голубые глаза, одолевают болезни. Но не сдается этот беспокойный человек всему нахлынувшему. Пристально всматривается в современную жизнь. С горечью замечает:

- Я просто презираю всех перевертышей, которые постарались очернить все наше такое дорогое и не забываемое прошлое. Но знайте, будущее не за так называемыми "Новыми русскими", по духу враждебными нам, а за настоящими русскими. Придет такой час. Я в это верю.

В искренности его слов сомневаться не приходится. Вся жизнь Василия Георгиевича - беззаветное служение Родине. За нее он был контужен в боях. Ею отмечен за боевые заслуги двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны второй степени и девятнадцатью медалями. За просто так такие награды не дают.

1999 г.

На снимках: В.Субботин и Н.Стерликов (справа)
На втором: В.Г.Субботин с однополчанином

Надежное управление войсками - залог Победы

Возвратясь с митинга, состоявшегося в честь праздника дня Победы 9 мая, и снимая свой мундир с орденами и медалями, Сергей Георгиевич Евсеев заметил на себе пристальный и восхищенный взгляд подросшего внука.

- Ты что, Ванюшка, изучаешь меня? - улыбнувшись, поинтересовался он у него.

- Дедушка, расскажи мне о своей жизни, и о войне.

- Хм! - теплая и нежная волна захолонула сердце бывалого солдата от этих простых слов мальчика. Прижав его к себе, уселись поудобней на диван и потекла беседа.

- Рассказывать - то особенно нечего Ваня. В твоем возрасте бегал я в Б. Коровинскую среднюю школу учиться. А от нашей деревни Акулово Захаринского района Рязанской области она находилась в восьми километрах, каждый день вышагивал туда и обратно по шестнадцать километров. Только в сильные холода, да слякоть жил в школьном интернате, за который приходилось платить. А у родителей была каждая копейка на учете. Семья - то большая. Кроме отца ,матери, бабушки пятеро детей. Всех надо было прокормить, одеть, обуть.

Сколько себя помню, в детстве всегда хотелось выспаться. Да не приходилось. Прийдут каникулы "Ну, думаешь, - завтра буду дрыхнуть до обеда". Ан, нет. Еще с вечера бригадир подойдет к дому постучит в окно и крикнет: "Прасковья! Посылай завтра Сережку лошадей с рассветом пасти". И приходилось вставать спозаранку, чтобы с такими же как я гнать лошадей кормиться в лес. Там они кормились сочной травой отдыхали 2 -3 часа, и потом их забирали на работу. А вечером та же процедура. Гоняли и в ночное, когда убирали луга от трав. Трудное было детство. Зато первыми нашими друзьями были кони, река и лесные просторы. Росли крепкими.

После окончания семилетки в возрасте 14 лет родители отправили меня в город Дятьково Брянской области, где я поступил учиться в техникум на электротехническое отделение. В городе Дятьково располагался мощный стекольный завод (второй после Гусь Хрустального по мощности в СССР) и техникум являлся его учебной базой (учебным цехом). Были свои трудности, но учились хорошо, старались. Лично для меня обратной дороги в деревню не предвиделось, потому что родители очень хотели, чтобы я выбился как они говорили - "в люди". В техникуме увлекся спортом. Особенно

лыжами и волейболом. По лыжным соревнованиям на 10 км выполнил норму второго разряда. Входил в сборную техникума. Всю зиму 1941 года готовились к лыжному переходу по маршруту г. Дятьково - Брянск - Москва - 400 км. но переход тот не состоялся. Началась Великая Отечественная война. Но о ней тебе еще рано говорить. Не поймешь многого.

Слушавший его Ваня, горячо возразил:

- Продолжай, дедушка, продолжай. Я все пойму. Я знаешь, какой понятливый!

И он, погладив мальчика по голове, продолжал:

- Враг приближался стремительно. Мне в ту пору исполнилось 16 лет. Настроение у всех такое - Красная Армия быстро разгромит агрессора. А он рвался к Москве. Уже захватил Смоленск. Учеба прекратилась. Мы оказались предоставленными сами себе. Чтобы как - то прокормиться, работали в ближайшем колхозе: Однажды с нами встретился секретарь комсомольской организации Дятьковского района, выпускник нашего техникума Владимир Рябок. И прямо с порога заявил:

- Кто желает помочь в создании партизанского отряда в Брянских лесах, прошу записываться. Я назначен его комиссаром.

Владимира мы знали, верили ему. Это был открытый, веселый человек. На его предложение все согласились. Стали мы - шесть человек бойцами партизанского отряда. Занимались оборудованием землянок в глухих Брянских лесах, завозили туда боеприпасы, продовольствие, одежду. В. Рябок всегда был с нами. И очень жаль, что он не дожил до дня Победы. В одну из схваток с фашистами, погиб на родной земле. Потом нас вернули в наш техникум, который эвакуировали в город Вольск Саратовской области. До него мы добирались 14 суток, железные дороги были забиты до отказа и нам приходилось подолгу стоять в тупиках. В 1941 году в октябре, старшекурсников стали призывать в армию. Мне тогда исполнилось 17 лет. Вместе с друзьями Женей Евграшкиным и Алешей Голиковым явился в военкомат и я.

- Ты-то зачем пришел? - удивился майор в военкомате, - тебя не вызывали.

- Я не хочу расставаться с друзьями. И попросил оформить на меня документы. О том же просили майора Женька и Алеша. Не знаю, что повлияло, но майор, махнув рукой, выдал мне документы. Нас направили в Ленинградское училище связи, которое находилось тогда в городе Уральске. Здесь мы приняли присягу, учились. Режим

курсантов строг и суров. Подъем в 6 часов утра. Физзарядка. Умывание обычно в реке Гаган, растирались снегом. Все это закаляло здоровье. Проводили форсирование, марши до лагерей, находившихся в 40 км от города с полной выкладкой; шинель скатка, противогаз, вещмешок с личным имуществом, карабин, патронташ с патронами.

Учеба продолжалась до 4 марта 1943 года. В звании лейтенанта меня направили на Воронежский фронт в шестую гвардейскую армию на должность начальника группы личных радиостанций командующего этой армии. Это было неожиданно, потому что в учебной практике такая должность не предусматривалась. Но приказ, есть приказ. И его в армии не обсуждают. А потом, обернувшись к внуку, Сергей Георгиевич спросил:

- А как ты думаешь, Ванюша, почему нам не везло в начале войны?

- Ну, это я знаю, - важно ответил он, - учителя объясняли: не хватало танков, самолетов, автоматического оружия.

- Верно. Но не было и надежного устойчивого управления соединительными частями Армии. Радиосвязь только нарождалась. Многие части и соединения зачастую действовали разрозненно. А враг был коварен. Он всячески нарушал линии связи, засылая к нам в тыл диверсантов и шпионов, хорошо понимая, что без связи войны не выиграть. Наше военное командование учло прошлые ошибки и уделило связи особое внимание.

Шестая гвардейская Армия занимала оборону на Курской дуге со стороны Белграда в районе Бутово-Черкасское, Яковлево. Командный пункт шестой гвардейской Армии находился в с. Кочетовка. На Курской дуге фашисты сосредоточили огромные силы, стремясь разгромить нашу Армию, и тем самым отомстить за Сталинград. В операции "Цитодель" со стороны врага участвовало 900 тысяч солдат и офицеров, 50 дивизий. В том числе 16 танковых и моторизированных, около 100 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, более 2000 самолетов. Ты представляешь внучек, что это такое?

- Представляю, дедушка, - ответил мальчик, затаив дыхание.

- Да страшно было. Но и наши войска изготовились, заняли глубокую эшелонированную оборону с тем, чтобы измотать врага и самим перейти в наступление. Важнейшую роль в этой битве играла связь, обеспечившая управление всеми родами войск в той битве. Для командующих армий и фронтов заранее создали подвижные средства связи. В мое распоряжение выделалось три радиостанции, смонтированные на двух машинах с экипажами. Одна радиостанция для связи с командующим, другая для связи со своим штабом и

дивизиями и третья - для связи в радиосети взаимодействия с танковыми и артиллерийскими соединениями. Моя задача постоянно следить с радиостанции за командующим Армии генерал-лейтенантом И.М.Чистяковым.

Всем радиостанциям работать на передачу категорически запрещалось. Тем более в обороне, где девствовала только проводная связь и только в случае ее нарушения вступала радиосвязь. В наступлениях радиосвязь работала неограниченно. Пятого июля 1943 года враг должен был наступать, но наше командование решило провести предупреждающий артиллерийский удар, который нанес большой материальный и моральный ущерб фашистам.

В шесть утра началась великая битва на Орловско - Курской дуге. С этого момента командующий Армией почти все время находился на наблюдательном пункте, хорошо оснащенном всеми видами связи для управления войсками. 12 июля врага остановили и отбросили на исходные позиции. И наши войска перешли в контрнаступление. Оно развивалось успешно. В конце месяца меня вызвал начальник связи Армии полковник Н.П.Буровягин и объявил, что моя группа радиостанций реорганизуется, а меня направляют офицером связи в пятый танковый корпус с радиостанцией РСБ, смонтированной на броневичке. Сделано это было для того, чтобы передавать по радиосвязи о наступлении передовых танковых подразделений, каких рубежей они достигли, о перемещении штаба корпуса. Я получал эти сведения, шифровал и передавал в штаб своей Армии.

Потом меня направили в 52 гвардейскую стрелковую дивизию в 153 стрелковый полк, в роту связи командиром радиовзвода. Начальник связи полка Николай Срибный встретил меня тепло. Это был чуткий отзывчивый человек. Жаль, не пришлось с ним поработать долго. Он погиб в боях за город Красноутск, где и похоронен.

Радиовзвод - это единственный взвод, обеспечивающий командиру и штабу полка управление батальонами, полковой артиллерийской группой по радиосвязи. Мое место в основном на НП (наблюдательный пункт) командира полка. Радисты взвода с радиостанциями распределяются по подразделениям и составляют радиосеть-радиостанции командира полка (главная) находится на НП. Здесь же располагалась радиостанция РБМ для связи с командиром дивизии. Все эти связи с перечисленными подразделениями и штабами дублировались проводными средствами связи и составляли единый комплекс управления. Тебе понятно это, внучек?

- Понятно, ответил Ваня, - получается как живой организм, все

взаимосвязано.

-Верно, - ответил Сергей Георгиевич, поразившись смекалистости мальчика.

И продолжал. В начале войны в батальонах и полках использовались не совершенные радиосредства. Радиостанции 6пк, Вр и другие не обеспечивали надежной связи, были не удобны. На рабочих частотах принималось много посторонних радиостанций и шумов. Из всего этого трудно было на них работать. А вот новые радиостанции РБ и РБМ совсем другого качества. Они просты в работе и качество высокое. А потому радиосвязь набирала силу и становилась основным средством в управлении войсками. Конечно, открытый текст, в основном, не допускался. Действовали шифры и условные обозначения. Передавали: подбросим семечек (патронов) или огурцов(снарядов, мин) или: сейчас к вам прибудут коробки (танки) и т.д.

Работающую радиостанцию всегда можно запеленговать и с большой точностью определить ее место - нахождение. А после этого и уничтожить, обезглавив управление войсками. Что немцы и делали, охотясь за командно-наблюдательными пунктами за нашими радиостанциями. Не упускали такого момента и мы. Обе стороны хорошо понимали важность средств в управлении войсками.

В работе средств связи пауз не бывает. А это значит радиостанции должны были находится в хорошем состоянии. Мы обеспечивали их частотами, позывными, ключом к таблице ПТ (переговорные таблицы), которые менялись через 3-4 суток. Во время поставляли на радиостанцию свежие источники питания, свежезаряженный аккумулятор при непрерывных работах на передачу хватало на 4-5 часов. А это, примерно 25-30 переговоров командиру, после чего их надо менять.

С боями шестая Армия освободила Тамаровку, Гроворон, Богодухов, г. Красноутск и многие другие населенные пункты. В сентябре 1943 года наш стрелковый полк в составе шестой гвардейской Армии перебросили на второй Балтийский фронт в район г. Невель. Разгрузились на станции Нелидово, примерно в 150-170 км от линии фронта. Срочно был сформирован отдельный лыжно-стрелковый батальон, и я был назначен начальником связи этого батальона. Наспех подготовившись, начали марш. Погода в октябре мерзкая. Дождь со снегом, слякоть. Но мы не остановились. После прибытия в район боевых действий моя задача обеспечить управление командиру и штабу батальона своими подразделениями по радио и проводным средствам связи. Шли непрерывные бои, фашисты, отступая, сжигали дома и нас

встречали только задымленные печи. Здесь за успешные боевые действия меня наградили в январе 1944 года первым орденом "Красная Звезда". А в начале февраля в бою под деревней Моево был тяжело ранен осколками разорвавшейся мины. Лечился полгода в г. Свердловске в спецотделении. Вернулся в строй с дефектом правой ноги.

Из пункта распределения выздоравливающих после ранения меня направили на третий Украинский фронт, в 135 стрелковый корпус на должность начальника радиоузла. Эта работа иного плана. Еще из училища я был выпущен с квалификацией радиста третьего класса. К этому времени я повышал свой уровень и мог передавать и принимать азбуку Морзе до 75 знаков в минуту. Это норматив второго класса.

Бои продолжались. Враг хоть и откатывался на запад, сопротивлялся упорно. Запомнились схватки под озером Балатон в Венгрии. Сосредоточив огромное количество танков, фашисты прорвали оборону нашего корпуса и устремились в тыл, наделав немало бед. Связь с командующим четвертой Армии с двумя дивизиями и одним укрепрайоном поддерживалась только по радио, так как проводная связь была полностью разрушена. Благодаря оперативности, прорвавшиеся танки остановили брошенными сюда полками противотанковой артиллерии. Наш корпус понес большие потери и вынужден был отойти в тыл. За участие в боях у озера Балатон и в наступлении с выходом на территорию Австрии, обеспечивая командование корпуса управлением войсками по радио, меня наградили вторым орденом "Красная Звезда". Потом к нему прибавился орден Отечественной войны первой степени, медали не считаю. Их у меня 14. В том числе "За боевые заслуги". Победу встретил в городе Шиблинхкирхен. Вернулся на Родину. Военную службу продолжал в Одесском военном округе в должности командира учебного радиовзвода учебного дивизиона 198 гвардейского гаубичного полка, 35 мотострелковой дивизии в г. Боград. Затем был командиром радиороты, заместителем начальника связи дивизии, старшим офицером отдела связи Армии, старшим преподавателем Военной кафедры государственного университета. Армии отданы мои лучшие годы жизни- 30 лет. Демобилизовался в звании подполковника.

К сказанному следует добавить, что С.Г. Евсеев женат. У него с женой Марией Александровной двое детей - дочь Татьяна и сын Игорь. Внук Иван от дочери. Он пошел по стопам деда и учится в академии связи в городе Санкт - Петербурге. Видимо глубокий след оставил в

его душе тот разговор с дедом. После выхода в запас С.Г. Евсеев жил в городе Кишиневе. Работал в индустриально- педагогическом техникуме, потом инспектором отдела кадров педагогического института, старшим инженером Кишиневского объединенного узла связи. С 1990 года живет в нашем городе - Кашира.

- Как вы относитесь к проводимым реформам? - интересуюсь у него.

- Я, сторонник Советской власти, так как она наиболее полно обеспечивала бесплатную медицинскую помощь, необходимыми лекарствами, бесплатным обучением во всех учебных заведениях, право на труд и отдых, проявляла заботу о детях и пенсионерах. Вот за эти социальные права граждан моего Отечества я и воевал с фашистами. Что дала нам перестройка и так называемые «демократы» - судите сами.

1999 г.

На снимке С.Г. Евсеев

Испытал до дна войну

На всю жизнь запомнил В.С.Акишин тот день, когда после окончания трудовой смены, возбужденный и радостный шагнул он на порог квартиры и прямо с ее порога обратился к маме:

- Мам, давай скорей собирай на стол, проголодался.

А Мария Максимовна, в душе любуясь сыном, встречала его с заплаканными глазами.

- Ты что, мама? - встревожился Владимир.

- Повестка тебе пришла на войну, - чуть слышно выдохнула мать.

- Ну так чего огорчаться. Мои сверстники уже воюют. И я пойду. Вот разобьем фашистов и с победой вернусь домой, - безмятежно зачастил сын.

- Дай бог, Володя. Да на войне не так все просто, - тяжело проговорила мать.

И слова ее оказались вещими.

Восемнадцатилетних новобранцев, в числе которых был и Владимир Сергеевич, в 1942 году отправили учиться на танкистов во второе Горьковское танковое училище. Располагалось оно в городе Ветлуга. Обучение шло по ускоренным курсам. Фашисты хоть и были отброшены от Москвы, но еще оставались сильными и коварными. Разгорались бои на южном направлении, под Сталинградом.

- Кончили мы тогда курсы и отправили нас группу в тридцать человек в город Тагил за танками, - вспоминает теперь Владимир Сергеевич, - а оттуда- под Орел. Встретил нас там полковник, осмотрел и мягким голосом заметил комбату:

- Направить вновь прибывших в Москву за отремонтированными танками. Пусть подрастут ребята.

Но расти им пришлось не долго. Через три месяца экипаж танка младшего лейтенанта В.С.Акишина впервые вступил в бой с захватчиками под городом Великие Луки. Командир поставил перед танкистами задачу - взять совхоз Худобелкино. А сделать это было далеко не просто. Населенный пункт фашисты укрепили всеми огневыми точками и надеялись отбить атаки советских танкистов. Не вышло. Танки прорвали оборону врага и углубились на пятнадцать километров в рубежи противника. Двое суток удерживали новые позиции танкисты, пока не подошло подкрепление.

- Хорошо, что снарядами мы запаслись тогда, а то бы несдобровать, - замечает собеседник.

В том бою танк В.С.Акишина фашисты подбили. За мужество, отвагу и находчивость Владимир Сергеевич получил тогда свой первый орден Отечественной войны второй степени.

А далее началось освобождение Литвы, Латвии и Эстонии от фашистских оккупантов. И проходило оно в беспрерывных стычках, боях с врагами. Однажды танк В.С.Акишина подорвался на мощной мине. Сильной взрывной волной его отбросило от машины. Очнулся весь в крови. Шла она из ушей, носа и рта. Контузия оказалась серьезной.

Вот как рассказано в журнале "Огонек" за 1943 год о подвигах танкиста того времени: "В боях за освобождение Прибалтики танкист лейтенант Владимир Акишин истребил 80 гитлеровцев, раздавил гусеницами танка 6 немецких пушек, разбил 3 дзота и подавил 4 огневые точки противника". Что это такое, думается, понятно каждому. Кроме храбрости, отваги в боях нужно и умение. А оно было у В.С.Акишина.

Потрепанное танковое соединение было переброшено в Тулу для переформирования. А оттуда на железнодорожных эшелонах в Румынию.

Разгрузились мы тогда под городом Плоешты и уже своим ходом поспешили в Венгрию на озеро Болотон, где кипели жаркие бои, - рассказывает бывший воин.

Под Будапештом его танк подожгли. Но живучи и сильны оказались его боевые товарищи. Экипаж был многонациональным - Хайрулин - татарин, Джимеев - осетин, командир бригады Бригвадзе - грузин. И не было среди них не распрей не неприязни. Все сражались за самое святое - за свободу своей отчизны. Более того, когда их часть вступила в Германию, полковник Бригвадзе собрал танкистов, жестко предупредил:

- Чтобы никаких случаев насилия, грабежей среди мирного населения с нашей стороны не было, услышу про такое, без суда и следствия расстреляю собственноручно.

- И на нашем участке боев, в освобожденных населенных пунктах такого не отмечалось, - рассказывает Владимир Сергеевич, - зато доброжелательности, цветов, угощений со стороны мирного населения было через край. Особой благосклонностью отличались чехословаки.

А попал к ним В.С.Акишин уже тогда, когда прогремели салюты Победы над Берлином. Но под Прагой еще сопротивлялось крупное фашистское соединение, на разгром которой и были брошены танки и СУ -100. В ту пору Владимир Сергеевич уже воевал на самоходных установках, на которых действовали крупнокалиберные пушки.

Военные пути танкистов перехлестывались с американцами -

бывшими союзниками по разгрому гитлеровской Германии. Запомнились лихие воины негры, их гостеприимство и радушие к советским солдатам. За проявленный героизм в боях с фашистами коммунист Акишин отмечен орденом Отечественной войны первой степени, многочисленными медалями за освобождение Будапешта, Праги, Вены. Только по этим наградам можно проследить боевой путь танкиста. А он у Владимира Сергеевича оказался более длинным и сложным.

С песнями, цветами возвращались солдаты после Победы над поверженной Германией домой. А танкистов погрузили в теплушки, технику на железнодорожные платформы и почти без остановок на Дальний Восток. Разгрузили под городом Соловьевском на границе с Монголией. А дальше своим ходом по незнакомой стране сотни километров. Однообразна природа далекой Монголии. Барханы, песок, нескончаемый ветер по раздольным степям. Из животного мира только и увидишь из боевых машин тарбаганов, сусликов, тушканчиков. И на привалах не раз вспоминал Владимир Сергеевич милые сердцу рязанские места.

Родился он в деревне Сапково, Коровинского района Рязанской области в 1924 году. Среди зеленых лесов привольно раскинулось их село, насчитывающее более 150 дворов. Места там глухие, изобилующие всякой дичью - зайцами, лисами, кабанами, волками. А о пернатых и говорить не приходится. Утки и гуси селились на обширных колхозных прудах. Раздолье для охоты да и только. Но люди берегли природу. Больше работали в колхозе, жили хорошо, безбедно. Отец, Сергей Ильич, коммунист, бригадирствовал в полеводстве, мать Мария Максимовна работала в растениеводстве. Однажды отца вызвали в райком партии, предложили:

- Тебя, как передового работника, рекомендовали на стройку Ступинского металлургического комбината. Не подведи.

И семья переехала в г. Ступино. С грустью прощался Володя с товарищами, с которыми гонял в ночное лошадей, ловил рыбу, ходил в леса по ягоды и орехи.

На новом месте трудностей хватило. Пришлось завести личное хозяйство - кур, поросенка, козу. Все - таки подспорье. А Владимир в ту пору учился. Окончил девять классов, ФЗО, потом ремесленное училище. Стал фрезеровщиком. Широкая и светлая дорога лежала перед парнем, и шагать бы по ней прямо, но помешала война.

И затянулась она надолго. Японские милитаристы бряцали оружием, угрожали нашему Дальнему Востоку. Запомнились бои под большим и

малым Хинганом на границе с Китаем. Вместе с советскими солдатами в бой шли монголы на лошадях, верблюдах. Много их тогда побили японцы. Квантуньская армия была сильно и хорошо вооружена. Но и она не устояла против огневой смерчи танков, СУ -100, "Катюш". За участие в разгроме японских милитаристов В.С.Акишин отмечен орденом Красная Звезда.

Стихли бои. А Владимир Сергеевич ещё год оставался в Монголии, занимаясь ремонтом боевых машин. Однажды вызвал его полковник, предложил:

- Есть мнение послать вас, лейтенант, в военную академию в город Ленинград. Что вы думаете по этому вопросу?

- И я не дал согласие, - говорит Владимир Сергеевич, - надоела война, тянуло домой.

- Как и обещал маме, вернулся он с Победой. Долго отдыхать не пришлось. Страна возрождалась, всюду требовались рабочие руки. Стал работать фрезеровщиком. Окончил техникум. Поступил работать в 24 цех. Был и правщиком и бригадиром и мастером. За 54 года производственной деятельности всего повидал. Десять лет возглавлял товарищеский суд, два срока избирался председателем народного контроля, состоял членом партбюро. Легких путей в своей жизни Владимир Сергеевич не искал. Встретил свою любовь - Нину Александровну. Женился. Вырастил сына и дочь. Да обделила его судьба счастьем. Умерла жена, потом сын. Пережить такое не дай бог ни кому. Не оттого ли так рано засеребрились волосы на голове Владимира Сергеевича, насупились черные брови над карими глазами. Но оптимизма ему не занимать.

- Если бы пришлось мне начать жить заново, я бы избрал тот же путь по которому прошел, - утверждает В.С.Акишин, - счастье не обошло меня на жизненном пути.

В настоящее время Владимир Сергеевич работает в 40 цехе, обслуживая оздоровительный комплекс. К делу относится серьезно, пользуется большим авторитетом у коллектива. А в квартире его зачастую ждут внуки. Особенно привязан он к Нине - дочке сына Сергея.

- Она моя тяжесть и радость, - говорит Владимир Сергеевич. Гордится ветеран войны внуком Алексеем, внучкой Марией и правнучком Борькой, которому уже два года.

- Скучать не дают, - замечает дедушка, - в них, да в коллективе вся моя жизнь.

Но не только. Страстно предан В.С.Акишин саду, выращенному

своим трудом. По-крестьянски, с усердием, ухаживает за землей, растениями. И они расплачиваются за то богато щедрым урожаем овощей и фруктов.

Разносторонни интересы этого человека.

- А вы знаете, у меня гостил с семьей кинорежиссер В.Шукшин, - как- то сказал Владимир Сергеевич и показал фотографию, где сидит сам В.Шукшин. Мы тогда о многом говорили с ним. Очень высоко эрудированный человек, ему понравилась наша семья и особенно приокские дали.

Да и сам он, судя по всему, не безразличен к природе. О ее красотах готов рассказывать увлеченно и долго. Что же! Любоваться ею и приумножать богатство родного края Владимир Сергеевич завоевал право всей своей жизнью, воинскими подвигами.

1996 г.

Под залпы «Катюш»

Окруженное тенистыми дубравами затерялось село Кузьмицци в бывшем Иваньковском районе (ныне Ясногорский) Тульской области. В минуты затишья кровопролитных боев с фашистскими захватчиками ее часто вспоминал Николай Васильевич Мельников. Трудным оказалось его босоногое детство. Семья большая, доходы в колхозе низкие, да к тому же отца внезапно арестовали в памятном 1937 году. Осталась его жена Анна Ефремовна, колхозница, с четырьмя детьми на руках. Старшему Николаю шел тогда четырнадцатый год. Пришлось ему не только помогать убираться по хозяйству в доме, но и по мере возможности трудиться в колхозе. Каждый заработанный трудодень был на счету в семье, хотя и оплачивался он из рук вон плохо. Сверстники его уходили в леса по грибы, гуртовались в играх, а Николай и этого был лишен.

Однажды он заявил матери:

- Уеду в город Серпухов. Поступлю учиться в ФЗУ. Получу специальность, устроюсь на работу на завод и буду помогать вам деньгами.

Ничего не сказала тогда ему мать, только глубоко вздохнула. Понимала, что подросшего сына не удержать в родном гнезде. Да и цепляться было не за что.

Учился Николай хорошо. И быть бы ему умелым специалистом. Да помешала война. Во время ее начала училище перебазировали в г. Барнаул. Там по ускоренной программе закончил курсы. Стал наладчиком станков ткацкого производства. Да вот только поработать не пришлось. В 1942 году призвали его в Армию в 101 запасной стрелковый полк, расквартированный в г. Омске. Но и там задержался недолго. Расторопного, смекалистого парня приметили командиры. Вызвали его в штаб и определили дальнейшую судьбу:

- Будете проходить военную службу во второй гвардейской бригаде минометчиков.

Так, впервые в жизни столкнулся Николай Васильевич с грозным оружием, поступившим на вооружение Советской Армии – легендарными «Катюшами». Помогло ему стать минометчиком и то, что за плечами имел семилетнее образование. А грамотных людей тогда явно не хватало.

Конечно, не сразу освоил боевое оружие. Учился на полигонах, зато вышел командиром установки. В его подчинении семь человек. У

каждого задача своя – расписанная по минутам и секундам.

- Что такое «Катюши»? – размышляет теперь бывший минометчик. - Начинали мы воевать с реактивных минометов «М-8», «М-13» и «М-30». Огневая мощность каждой разная. Радиус действия до четырех километров, каждый снаряд весил 94 кг. А для одного залпа требовалось двенадцать снарядов. Немцы очень боялись наших «Катюш», а потому усиленно охотились за боевыми установками, при возможности уничтожая их. Только такое случалось редко. Ведь на подготовку и выстрел нам отводилось сначала 10-15 минут, а потом Приказом Главнокомандующего – всего только пять. Перебрасывали нас на самые трудный и опасные участки, в основном туда, где враг готовился к прорыву или по сильно укрепленным позициям.

Да, гвардейские минометы на месте не задерживались. Запомнились бои под Мценском Орловской области, Сталинградом, на Курской дуге под Белгородом. Воевала бригада на Воронежском, Степном, Первом Украинском фронтах. Облегчало положение тогда, когда установки стали монтироваться на вездеходах «Студебекерах». Маневренность повысилась, а значит, и результаты улучшились.

Где только не побывал Н.В. Мельников с грозными минометными установками. Освобождал Киев, проходили с боями Карпаты. Здесь в Гуцульских горах Николая Васильевича, будучи уже связистом-телефонистом, впервые ранило.

- Случилось это на одном из перевалов горного хребта. Мы устанавливали дислокацию противника, который сосредоточился в долине, определяли координаты, чтобы залпами накрыть врага. Фашисты, видимо, почувствовали это, открыли огонь. Минометным осколком меня ранило в челюсть, а напарнику оторвало обе ноги. В санбате он и умер. А мое лечение затянулось надолго. Лечился в одном из городков Польши. Случайно встретил здесь перебрасываемых на другие позиции однополчан. Не долечившись, вернулся в строй. И с ними находился до конца войны. Сражались под Бреслау, Подсдамом и в Берлине.

- Здесь меня вторично ранило в руку, - отмечает Николай Васильевич, - но я не покинул друзей, лечился в своей санчасти.

В канун Победы – 8 мая – отдельный 66 гвардейский минометный дивизион внезапно перебросили под Прагу, на помощь восставшим против гитлеровцев чехословакам. Здесь и завершился ратный путь Николая Васильевича.

Демобилизовался он. Мать в ту пору переехала в Каширу. К ней и пришел бывший воин, с боевыми наградами на груди. Отдыхать не

пришлось. Как коммуниста вызвали его в горком партии и сразу поставили задачу:

- Надо поднимать разрушенное народное хозяйство.

И закрутили дела да заботы Н.В. Мельникова в мирной жизни. Был заместителем управляющего Союза «Плоды и овощи», заведовал заготовкой сена, а потом двенадцать лет возглавлял партийную организацию в колхозе «Светлый путь».

Когда колхоз реорганизовали в совхоз «Каменский», стал управляющим центрального отделения. В этой неспокойной должности работал пятнадцать лет.

- Дел хватало, - говорит Николай Васильевич, - ведь кроме полеводства в моем ведении было животноводство, механическая мастерская, техника. Надо было не только вовремя расставить всех на рабочие места, но и учесть труд. Помогали, конечно, бригадир, звеньевые, учетчики, но в личные заботы каждого приходилось вникать основательно, особенно когда человек обращался с просьбой. В этом помогала прежняя общественная работа. Да и рабочий комитет профсоюзной организации я возглавлял в хозяйстве некоторое время.

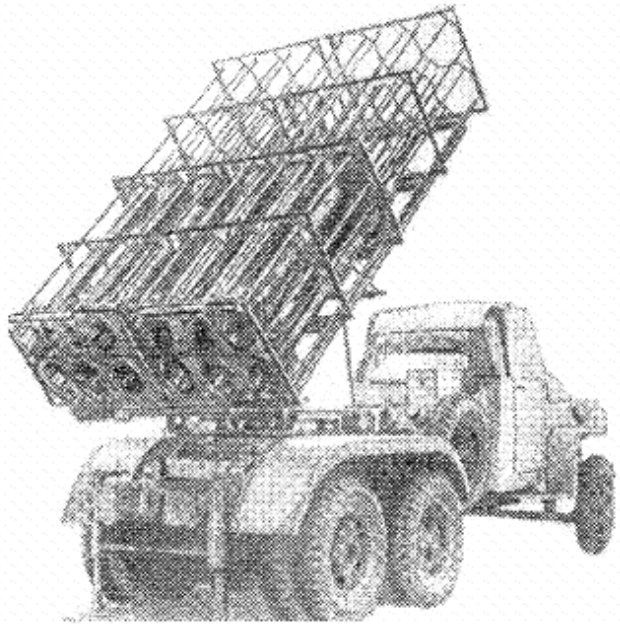
Шло время. Менялись директора в совхозе. А Николай Васильевич продолжал работать – трудиться бессменно. На его глазах крепло хозяйство. Построили зерноток с очистительной системой зерна «Пектус», просторные механические мастерские, животноводческие комплексы с полной механизацией трудоемких процессов. Появилась новая светлая школа одиннадцтилетки, Дом культуры. Построили многоэтажные дома. Многие работники совхоза переселились в квартиры со всеми удобствами. Возросли заработки у людей. Больше стало проводиться пышных свадеб. Полнилось село молодежью. И никто особенно не стремился уезжать на сторону. А зачем? Когда и в родном селе есть заманчивая работа, жилье, хорошо организованный досуг. Многие передовые работники получали бесплатные путевки на престижные курорты для отдыха и укрепления здоровья.

Жизнь расцветала, набирала обороты. И вдруг грянула эра перестройки.

- Как вы относитесь к проводимым реформам так называемыми «демократами»? – интересуюсь у Николая Васильевича.

- Отрицательно. Что они дали народу? Кроме несчастий – ничего. Да, процветает отдельная кучка проходимцев, захвативших власть. Живут спекулянты, воры. Но полностью обездолены пенсионеры, инвалиды, учителя, медицинские работники. Да и рабочие получают гроши, на которые прожить невозможно. Приходится нам, пенсионерам, от своих пенсий отрывать и помогать детям, внукам, чтобы они как-то выжили. Такого еще никогда не было. И уж тем более не предвиделось при Советской власти. Видимо, такая жизнь устраивает власть предержащих. Горько слышать, но юнцы – демократы опорочили даже святое святых – нашу Победу над гитлеровской Германией. Вот даже до чего договорились! Чего уж дальше ждать от них.

На снимке Н.В. Мельников



На Параде Победы

24 июня 1945 года на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы. Много лет минуло с тех пор, а Константин Михайлович Михалев помнит, как это было.

- Мне очень посчастливилось, - рассказывал бывший воин, - иной раз задумаюсь, закрою глаза и четко вижу стройные шеренги полков и фронтов по родам войск, их боевые знамена. И главное, Знамя Победы, водруженное над поверженным рейхстагом.

А было так. Однажды командование вызвало К.М.Михалева в штаб. Там уже присутствовало несколько летчиков, увешанных орденами и медалями.

- Лейтенант Михалев, - услышал он здесь, - вы направляетесь как представитель от нашего военно-воздушного соединения на Парад Победы в Москву.

- Это известие сильно взволновало меня, ведь были люди и более заслуженные. - Об этом я заметил командирам.

- О том знаем, - последовал ответ, - но знаем также и о вашем боевом пути.

А он у К.М.Михалева был нелегким. Военная служба его началась в Забайкалье. Перед началом войны часть перебросили под Бердичев. А через четыре дня на железнодорожный узел обрушились бомбы.

Запомнились ожесточенные бои на переправах реки Случь. За эти бои К.М.Михалев был награжден орденом Красной Звезды.

С боями части отступали до Шепетовки, потом до Житомира. И здесь в одном из боев он был контужен. Но из роты не ушел. Отступали по Украине, твердо веря, что скоро вернутся вновь.

Вскоре дивизия была пополнена, переформирована и переброшена под Сталинград. Дрались не только за улицы, но за каждый этаж дома. Не раз в боевых схватках был и Константин Михайлович. Здесь он стал кандидатом в члены партии.

Дивизию вновь переформировали и влили ее в военно-воздушное соединение. Здесь К.М.Михалева назначили комиссаром отдельного автотранспортного батальона. Соединение принимало самое активное участие в освобождении от фашистов Крыма.

Воздушная армия громила захватчиков в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. И везде Константин Михайлович подавал пример верности воинской присяге.

Все это было известно командованию. Вот почему выбрали его

представителем на Парад Победы.

- В этот день моросил теплый летний дождь, - вспоминает Константин Михайлович, - но не помешал прийти москвичам на парад. Все улицы были буквально запружены народом. Маршалы Жуков и Рокоссовский объезжали выстроенные на параде войска, приветствовали их и поздравляли с Победой. Троекратное могучее "ура" катилось по Красной площади.

А потом к подножию Мавзолея были брошены знамена фашистских войск.

Закончился парад. И нас, его участников, буквально расхватили москвичи. Зазывали к себе в квартиры, угощали, радовались Победе. Словно забыли все в этот торжественный день о горе. А ведь почти в каждой семье не досчитывались своих близких. Многие сложили головы за великий и светлый праздник.

Да, дорого досталась нам Победа. И о том постоянно напоминает К.М.Михалев учащимся школ, молодым людям, идущим по призыву служить в ряды Советской Армии. Он часто выступает с воспоминаниями о военных годах перед железнодорожниками. Ведь они его родной коллектив. Долгие годы работал он здесь.

В канун сорокалетия Победы Константин Михайлович Михалев получил поздравление за подписью председателя совета ветеранов 59 РАБ генерала-майора авиации Л.А.Белоуса. Он желает бывшему воину доброго здоровья, большого счастья, благополучия и радости.

К.М. Михалев умер в 1996 году.

В лабиринтах кабельных узлов

Мы давно привыкли к лампочке Ильича и мало задумываемся, кто и как обеспечивает нас надежным электрическим светом. А между тем это довольно сложное хозяйство. Следует заметить, что только на Ступнинском металлургическом комбинате насчитывается 220 километров высоковольтных кабелей, питающие электричеством многочисленные производственные, социально-бытовые объекты, станки и оборудование. В их хитроумных сплетениях, раскинувшихся, в основном, в подземных коммуникациях не так-то просто разобраться. Но для Николая Сергеевича Левина они не представляют особого секрета. Да оно и понятно. Ведь работает он в 58 цехе с 1939 года, чуть ли не с его основания, и кабели те укладывались в подземках с помощью Николая Сергеевича.

За плечами этого человека семьдесят семь лет. Но на вид ему никак не дашь столько. Только и выдает серебро волос на голове да нависшие брови над живыми, умными голубыми глазами. Беседую с ним и поражаюсь свежести его памяти, цепко держащей основные события и действующие лица минувших лет.

Родился Николай Сергеевич в городе Юхнов Калужской области, в многодетной семье. Жили бедно. И однажды дядя Александр Митрофанович предложил отцу отдать Николая ему на воспитание.

- Детей у нас с Пелагеей нет, - заметил он Сергею Яковлевичу, - и Коля будет у нас вместо сына.

Так и вылетел из родного гнезда Николай Сергеевич. Переехал в наш город, где в ту пору развивалась стройка комбината. Дядя работал там землекопом, а Николай начал учиться в школе №1 , где в ту пору директорствовал М.Г.Першин.

- Строг он был, но справедлив. Мы его уважали и любили, - говорит теперь Николай Сергеевич.

После окончания школы поступил он в Московский медицинский институт. Но проучившись три месяца, бросил.

Время было тяжелое, средств у дяди не оказалось, а стипендию платить государство отказало. В декабре 1939 года Н.С.Левин впервые переступил проходную комбината и пришел работать в 58 цех. Да так и прикипел сердцем к этому коллективу на всю жизнь. Сначала бывший начальник цеха Григорий Григорьевич Старцев устроил новичка, как наиболее грамотного, счетоводом. Но новый начальник цеха Василий Григорьевич Персиянов решил по-иному. Однажды вызвал он к себе

Николая Сергеевича и сказал:

- Вот что, Николай, не делом ты занимаешься. Осваивай профессию электромонтера и приступай к работе на электроподстанции №2.

А там его встретила дружная бригада Алексея Алексеевича Смирнова.

- Для меня он был первым учителем и наставником, - тепло отзывался Николай Сергеевич о бригадире.

Быстро освоил он новую профессию, приступил к работе и в вихре будничных дел замелькали годы. А в них было такое, что седина рано пробилась на голове.

Грянула война. Наш завод при подходе фашистов к Москве, эвакуировали в далекий Каменск-Уральск. В действующую армию Н.С.Левина не взяли. Оставили по броне. Но и в тылу был фронт.

- Верно поется в песне "Победа" "Дни и ночи у мартеновских печей, не смыкала наша Родина очей..." с тем чтобы добиться Победы над коварным врагом, - говорит Николай Сергеевич.

В марте 1942 года комбинат реэвакуировали. Пришлось все восстанавливать заново, причем в самые сжатые сроки, так требовали суровые обстоятельства. А от всего сложного энергохозяйства в цехе остался один трансформатор. Но работа кипела. Люди не считались со временем. И цех был восстановлен. Росло и профессиональное мастерство Николая Сергеевича. В 1946 году он поступил учиться в техникум, окончил его. Тридцать лет возглавлял коллектив подстанции, а когда наступил пенсионный возраст ушел в электромонтеры. Он не редко заменял сменных мастеров, успешно справлялся с делом, потому что каждый винтик, каждый проводок знаком ему здесь, да и кадры выросли на его глазах и стали специалистами с его же помощью. Многие обязаны Николаю Сергеевичу своим становлением в жизни на путь рабочего человека. О том и теперь могут подтвердить Ольга Николаевна Ларина, Елена Геннадьевна Романова, решившие стать электромонтерами. Им передал свой опыт в работе Николай Сергеевич.

Под его непосредственным руководством долгие годы сплачивался и цементировался коллектив 58 цеха, где он возглавлял партийную и профсоюзную организацию. Не даром Родина отметила его медалью " За трудовое отличие".

Теперь 58 цех стал основным энергоносителем на комбинате, обеспечивающим электричеством, паром, сжатым воздухом многие цеха. В настоящее время здесь насчитывается 156 силовых трансформаторов, 530 фидеров высокого напряжения и 450 фидеров низкого напряжения электротока. Подстанция обеспечивает

электросветом 18 объектов. Электромонтеры обеспечивают безопасность работы ремонтников, в случае повреждения высоковольтных кабелей. При этом действуют они строго придерживаясь "Правил технической эксплуатации и техники безопасности". Ошибаться им, как и минерам нельзя. Малейшая неосторожность приводит к гибели людей.

Но и в будничные дни не сидел без дела этот неугомонный человек. В свободное время Николай Сергеевич уезжает на садовый участок, где ухаживает за садом, огородом.

- А как же иначе, - говорит он, - ведь наша семья обеспечивает себя овощами и фруктами с этого участка на целый год. А это большая материальная поддержка.

О своей работе Николай Сергеевич готов рассказывать долго и увлеченно. Чувствуется, что в лабиринте высоковольтных кабелей он уверен как рыба в воде. И в тоже время скорбит, что падает наше производство.

- Это видно, хотя бы потому, - замечает он, - что раньше комбинат в сутки расходовал один миллион 600 квт. часов, а сейчас от 300 до 500 тысяч киловатт.

Но, думается, такое явление временное. Пройдет лихолетье и комбинат вновь наберет силы, распрямит плечи. Порука тому такие люди как Николай Сергеевич Левин - энергичные, добросовестные и знающие свое дело специалисты.

1995 год.

Живущий для людей

В необъятных Сальских степях Ставропольского края затерялась казачья станица Усть-Джегутинская. Здесь и родился Павел Иванович Челпан. Детство и юношеские годы его прошли в Краснодаре, куда переехала их семья после войны. О своей родине Павел Иванович помнит смутно и то больше по рассказам матери. Живя в городе, Екатерина Семеновна до последних дней своих не могла забыть приволья станицы, где навсегда остались ее близкие, родные. Да и как забудешь то, что кровно связано со всей жизнью, сельским укладом. К тому же и в городе жилось не легко. Прокормить, одеть, обуть, семью из пяти человек было не просто, Когда на все острый дефицит. К тому же глава семьи Иван Павлович вернулся с Великой Отечественной войны раненным, контуженым. Да и прожил не долго. Как святая реликвия остались от него на память награды Родины за ратные подвиги- Орден Отечественной войны, Орден Славы, многочисленные медали, по которым и через многие годы можно судить какой нелегкий был путь солдата.

Горе не сломило Екатерину Семеновну. Подросшие дети Алексей, Елизавета, Павел жадно тянулись к жизни. Вместе с подростками Павел гонял футбол по пыльным площадям Краснодара, озорно свистел вслед улетавшим в голубую даль голубям, помогал маме по хозяйству и упорно учился. В школе увлекался химией. И это определило его судьбу в дальнейшем. После окончания одиннадцати классов поступил в Казанский химико-технологический университет, который закончил с отличием. Ему было предоставлено право выбора: или продолжать учебу в аспирантуре, или работать там, где пожелает.

И Павел выбрал наш город Ступино. И далеко не случайно. Еще живя в Краснодаре, он много хорошего слышал о нем.

Бывший его друг Борис после школы поступал учиться в Ступинский металлургический техникум. Да не прошел по конкурсу. А места его здешние заворожили. С восторгом рассказывал он друзьям о могучих сосновых борах, окружающих молодой город, о полноводной голубой Оке, ее золотистых пляжах, и самое главное, о бурно развивающейся промышленности молодого города, его просторных площадях, новостройках. Все это запало в сердце Павла Ивановича и жило в нем, пока шли студенческие годы. Не думал, не гадал он быть продолжателем славных традиций ступинцев, а вышло именно так.

Приветливо встретил коллектив завода " Стеклопластика" молодого

специалиста. Мастером начал свою трудовую деятельность Павел Иванович. Как говорится, с головой окунулся он в кипучую жизнь производства. И захлестнули его неотложные дела. Не долго присматривалось руководство завода к парню. Видело: уверен в работе, принципиален и прост в общении с людьми, отзывчив на их просьбы. Эти черты характера и определили его быстрый рост по служебной иерархии. Бывший начальник цеха Владимир Алексеевич Андрианов первым рекомендовал Павла Ивановича на должность начальника участка, затем своим заместителем, а когда уходил на повышение ходатайствовал перед директором Владимиром Котиковым утвердить П.И.Челпана на должность начальника цеха. В горячих буднях незаметно промелькнули одиннадцать лет. Росло профессиональное мастерство, рос и авторитет в коллективе.

Люди отмечали, что твердость, строгость, предельная принципиальность и огромная доброжелательность к людям, терпимость и уважение к каждому, стремление помогать любому обратившемуся за помощью навсегда остались в характере Павла Ивановича. И они поверили ему, доверив свои судьбы как директору.

Завод набирал силы, становился одним из лидеров. И на это обратили особое внимание бывшие руководители ГК КПСС, горисполкома. Вот почему бывший секретарь ГК КПСС Владимир Густавович Раткин завел с П.И.Челпаном такой разговор:

- Как вы посмотрите, Павел Иванович на то, что мы будем рекомендовать вас на должность председателя исполкома Ступинского городского Совета народных депутатов?

- Спасибо за доверие, - последовал скромный ответ, - постараюсь его оправдать.

И эти слова были подтверждены славными делами на благо развития всей инфраструктуры города и района.

- Каковы были ваши первые впечатления от работы на таком высоком посту? - интересуюсь у Павла Ивановича.

- Тяжкие, - кратко отвечает он, - с первых же дней нового 1987 года, когда я приступил к обязанностям Председателя исполкома, к нам в буквальном смысле слова обрушился шквал писем, жалоб, заявлений с претензиями на плохое обеспечение квартир теплом, водоснабжением. Пришлось срочно создавать оперативный орган по решению вопросов. В него вошли руководители ведущих предприятий города, специалисты. Вопрос стоял жестко: либо ликвидировать обвал в ближайшие сроки и обеспечить людей теплом, либо навсегда расстаться с руководящими постами.

Конечно же, такая требовательность понравилась далеко не всем. Некоторые начали искать объективные причины, ссылаясь на большую изношенность магистральных линий, подземных коммуникаций.

- Так исправляйте положение. Кто вам мешает?

А уже с весны город покрылся вскрытыми траншеями. Нашлись и средства, и возможность, чтобы исправить положение. Но это только одна из проблем. А в городском, районном масштабе их оказались сотни. И все требовали самого пристального внимания, решения, сходясь своим острием, как в фокусе на Главе администрации района.

- А это хорошо, когда жизнь не дает покоя, - скупо улыбаясь, говорит Павел Иванович.

И он, действительно не знает покоя. То совещания, то собрания, то приемы по личным вопросам много отнимают времени и сил. Но главное свое призвание Павел Иванович находит в решении назревших производственных, социальных проблем. Ступинский район велик. Кроме города в него вошли такие крупные населенные пункты как Михнево, Малино, сотни деревень. За последнее время немало прижилось дачников из Москвы. Ими освоено под сады и огороды 900га земель. Не мало и таких, которые навсегда осели на Ступинской территории, построив капитальные дома. А ведь эти поселения требуют решения таких важных вопросов как прокладка асфальтовых дорог, телефонизация, налаживание торговли, электрификация и многих других житейских дел.

-Но не смотря не на что, мы приветствуем тех, кто селится у нас, - говорит Павел Иванович, - решим и эту проблему.

Да разве только она одна.

Правильно понимая и оценивая процессы, происходящие в стране, Глава Администрации концентрирует усилия коллег по работе, хозяйственных руководителей на безусловное повышение жизненного уровня населения. По его инициативе и при непосредственном руководстве в районе разработаны и действуют 20 целевых комплексных программ, призванных максимально защитить экономику района, социальную инфраструктуру. Среди них программы "Конверсия", "Земельная реформа", "Строительство жилья, дорог, газификация сельских населенных пунктов", "Развитие связи" и другие. Довольно успешно реализуется программа привлечения иностранных инвестиций в экономику района. Так, за счет фирмы "Марс" в районе построен завод по производству кондитерских изделий мощностью 70 тыс. тонн продукции в год и цех по выпуску кормов для домашних животных мощностью 15 тыс. тонн в год. Объем привлеченных средств

только по этим объектам составил свыше 150 миллионов долларов. В сжатые сроки при личном участии П.И. Челпана в поселке Михнево, с привлечением инвестиций в объеме 120 млрд. руб., построен кирпичный завод мощностью 75 миллионов штук кирпичей в год. В стадии завершения строительство ДСК по производству жилых домов мощностью 150 тыс. кв.м. жилой площади. В строительство второй очереди дополнительно будет вложено еще 250 млрд. рублей. Эти мероприятия направлены на улучшение социального климата района, ликвидацию до 2000 года 25 тыс. кв.м. ветхого жилого фонда.

Дальнейшее развитие на селе невозможно без улучшения имеющейся сети и строительства новых дорог, газификации населенных пунктов, обеспечения их устойчивой телефонной связью и автотранспортным обслуживанием, необходимыми социально-бытовыми услугами. И эти проблемы решаются успешно.

В развитие системы здравоохранения, осуществляемое на основе целевых программ, вложено за два последних года 40,8 млрд. руб. В районе построена новая поликлиника для взрослых на 850 посещений в смену, продолжается строительство современной больницы на 150 коек в поселке Малино, завершается строительство Центра восстановительного лечения, идет планомерная реконструкция материальной базы медицинских учреждений.

В ходе осуществления программы охраны окружающей среды удалось резко снизить вредные выбросы в атмосферу от различных предприятий, и прежде всего от ТЭЦ-17, которая переведена на сжигание газа.

По инициативе Павла Ивановича объявлена двухкилометровая территория вокруг города по реке Оке санитарно-защитной зоной, где запрещена любая хозяйственная деятельность, наносящая ущерб природе.

В условиях осложнения проблем семьи, воспитания детей, беспризорности, он предложил в 1994 году создать приют для детей. За два года 127 детей, фактически брошенных своими родителями, нашли в нем второй дом. Развивая программу заботы о детях, в городе Ступино в 1994г. открыты два реабилитационных центра для детей дошкольного и школьного возрастов, имеющих ограниченные возможности. Средства на содержание изыскиваются за счет местных возможностей. По инициативе Главы Администрации создан городской Центр искусств, в котором занимаются более 400 детей. Были открыты дополнительно 3 молодежно-подростковых клуба, Центр детства. Это привело к снижению преступности среди несовершеннолетних в районе.

Будучи человеком разносторонних взглядов и увлечений П.И. Челпан уделяет большое внимание вопросам культуры, благоустройства, чистоты и порядка. Ступино – один из наиболее уютных, чистых и красивых городов области и России. Мэр считает, что в красивом городе все должно быть красиво. Отсюда стремление иметь свой, не только местный, но и государственный, историко-краеведческий музей, настоящую полноценную художественную галерею. Кстати, для нее на свои сбережения он приобрел экспонат.

Ищет он и находит новые, нестандартные формы и методы работы, пути решения проблем. Так, при подготовке к 50-летию Великой Победы над фашистской Германией по инициативе Павла Ивановича создан красивый и величественный памятный мемориал на воинском кладбище города, установлены специальные памятные знаки в сквере имени Героя Советского Союза В.Ф. Полякова и на бульваре Победы.

Рабочий день П.И. Челпана заканчивается поздно. К этому уже привыкли жена и дочь. И все-таки нет, нет, да и упрекнет Ирина Ивановна мужа:

- Мог бы и пораньше прибыть. Мы уже с Оксаной поужинали.

Улыбнется на это карими глазами Павел Иванович, промолчит. А иногда бросит:

- Рад бы. Да дела не пускают.

В этих словах весь он – живущий заботами людей. Таким знают П.И. Челпана ступинцы. Таким хотят и впредь видеть его на посту Главы администрации района.

1996г.

Околдованный лесами

Река Оскол надвое делит большое и красивое село Заречье, привольно раскинувшееся в ковыльной степи Мантуровского района Курской области. Ее песчаные пляжи, илистые омуты были и остаются излюбленными местами развлечений ребятни. Здесь они купаются, загорают, ловят раков, пескарей. Любил берега родной речки и Владимир Ильич, где прошло его босоногое детство. Будучи пограничником, он не раз ощущал прохладу далекого Оскола, видел его заросшие камышом заводи.

- А когда демобилизовался, поспешил на встречу с речкой, окунулся в ее прохладные воды и растянулся на золотистом песке под ласковыми лучами солнца. Хорошо!

Незаметно потекли мысли. Как жить дальше? Идти по стопам родителей, работавших по нарядам в колхозе, не хотелось. Видел, как всю жизнь отец бьется с нуждой, а конца края ее не видно. И легкого пути Владимир не искал. Тянуло учиться. Здесь, на берегу реки и встретил его двоюродный брат Николай, приехавший погостить в родные края из Тулы.

- О чем задумался, брат? - просто обратился он к Владимиру.

- Да вот, не определюсь никак с дальнейшей судьбой, - искренне признался Владимир.

- Есть у меня к тебе разговор на эту тему. В селе Селиваново Крапивенского района Тульской области расположен лесной техникум. Многим поколениям лесоводов дал он путевку в жизнь. Советую поступить туда учиться.

Это предложение горячо поддержал на семейном совете отец Илья Николаевич Криволапов. Благословила и мать Мария Афанасьевна, всплакнув при мысли, что скоро расстанется с сыном.

С легким сердцем уехал из села Владимир, поступил учиться в техникум. Считался одним из лучших студентов. Жизнь его там порадовала тем, что встретил свою любовь Марину. Уже на третьем курсе поженились. Вместе кончили техникум и попали по распределению в Ясногорский лесхоз.

Работал сначала мастером лесного хозяйства, помощником лесничего, а вот уже седьмой год возглавляет одно из крупнейших лесничеств в лесхозе - Иваньковское. Жена у него помощником.

Крепко пустила корни семья Криволаповых на благодатной

Иваньковской земле. У лесничего большой дом, хозяйство полное живности.

- А как же иначе, - говорит Владимир Ильич, - без этого нынче не прожить. А у нас семья - четверо дочек. Их вырастить надо.

Но это в личной жизни. А как же обстоят дела на производстве? Забегая вперед, скажу хорошо! Не зря на Тульском областном совещании лесоводов, проходившем недавно в городе Алексене, Иваньковское лесничество по всем производственным показателям признано лучшим в управлении. А лесничий В.И. Криволапов награжден Почетной грамотой службы лесного хозяйства Российской Федерации. Право, добиться такой чести ой, как нелегко. Ведь среди тульских лесоводов немало настоящих корифеев.

И этот факт заставил меня задуматься: в чем же сила и секрет молодого лесничего? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось встретиться не только с В.И. Криволаповым, но и со многими жителями поселка Иванького. Их мнение однозначно: требователен, но справедлив. И по возможности помогает в приобретении топлива, сенокосных угодий, своя мастерская имеется по распилке бревен. Она-то и выручает во многом в финансировании лесничества.

Главный девиз в работе Владимира Ильича - состояние и качество лесного фонда. И здесь следует отметить при общей лесистости Иваньковских угодий в 20 процентов, в массивах преобладает мягколиственные породы: осина, береза, липа. Немало участков с переспелыми древостоями. Их приходится вырубать в первую очередь. Только по лесовосстановительным рубкам за год заготавливается 5000 - 6000 кубометров древесины. А это в среднем 16-17 га. На этой площади высаживаются лесные культуры, приживаемость которых составляет 96 - 97 процентов. Культивируется в основном ель.

- А почему, именно, ель? - интересуюсь у Владимира Ильича, - ведь по своим природным условиям Ясногорский лесхоз больше подходит под наращивание дубовых рощ. Недаром здесь проходят, так называемые, Тульские засеки. А в них всегда произрастали дубы.

- Да это когда было, - отвечает лесничий, - а нынче с дубовыми лесными культурами одна морока. Растет эта порода медленно, требует больших затрат по уходу. И главное сильно повреждается лосями. У нас они поели молодые посадки дубняков на больших участках. А ель неприхотлива, быстрорастущая. Она быстро входит в оборот народного хозяйства.

Я не согласился с его доводами. Пришлось поспорить. Но

каждый остался при своем мнении. А между тем, еловые насаждения в кварталах №17, 21, 28, 42 на площади 37 га за какие-то 10-15 лет уже сомкнули кроны, достигли высоты от 4 до 8 метров и диаметром от 8 до 16 см. И теперь здесь проводятся рубки ухода. Древесина идет на всякого рода поделки.

И все-таки в Иваньковском лесничестве имеется 1300 га дубрав, более 1000 га хвойных насаждений, как говорится, есть где развернуться.

И лесничий, вместе со своими помощниками - мастерами леса Валентином Васильевичем Мамоновым, лесниками Алексеем Анатольевичем Якуниным, Михаилом Валентиновичем Ивановым, лесорубами, руководителем Константином Борисовичем Шапочниковым, рабочими по возделыванию лесных культур Владимиром Александровичем Корявкиным, Сергеем Евгеньевичем Евстиннеевым и многими другими, обследуют буквально каждый метр в лесных кварталах с тем, чтобы улучшить и состояние и качество. При этом большое внимание уделяется охране лесов. А лесокрадство, к сожалению, в последнее время процветает. К примеру, житель села Кузмищева А.В. Сычков спилил и привез к себе во двор семь сосен и три березы диаметром более 24 см. За это он оштрафован. Поплатилось штрафом и ТОО "Маяк" Ясногорского района. По распоряжению его директора прораб Т.А. Рудкова спилила 18 лип диаметром 18 см. на хозяйственные нужды. И таких примеров немало.

А между тем, можно ведь обойтись и без лесокрадства. Как уже говорилось раньше, лесничество от ЛВР заготавливает в год 5000 - 6000 кубометров, сбыт древесины идет слабо и ее всегда в достатке.

Рано начинается рабочий день лесничего и кончается в сумерках. Всюду надо успеть, наладить производство, проверить, как идет выполнение.

- Дел хватает, - говорит Владимир Ильич, - но я не жалуюсь. У меня помощники хорошие. Все идет по плану.

- А как с зарплатой в нынешние тяжелые времена? - интересуюсь у него.

- Зарплату не задерживаем. Лесорубы зарабатывают от 600 рублей и выше в месяц. Не в обиде и другие. Так что в этом отношении у нас все в порядке.

К сожалению, мне не удалось связаться с директором лесхоза А.М. Чибисовым. Но вот как характеризует лесничего главных бухгалтер лесхоза Н.А. Сечкина.

- По всем показателям он у нас передовой. И отчеты сдает

вовремя, грамотно оформленными. Действительно, с В.И. Криволапова можно брать пример.

Что ж! Достойная характеристика лесничему второго класса. Он ее заслужил вполне. Воистину этот человек влюблен в лес, околдован им на всю жизнь.

1996 год

Сдано в набор 15.08.99
Подписано в печать 18.08.99
Бумага газетная. Заказ 751
Гарнитура литературная. Печать высокая
Тираж 250 экз. Цена договорная

Издательство РИА «ДИМИЧ»
г. Москва